

## † Профессиональное кредо



### НА ПУТИ К САМОМУ СЕБЕ: НЕЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР О НАСУЩНОМ (ДИАЛОГИ С ПРОФЕССОРОМ Ю.М. РЕЗНИКОМ, 25, 27 марта и 4 апреля 2009 г.)

*Уважаемые коллеги! Представляем Вашему вниманию интервью и диалоги с главным редактором журнала, доктором философских наук, профессором Ю.М. Резником, которые провел член редколлегии журнала, доктор философских наук С.Н. Гавров 25, 27 марта и 4 апреля 2009 г. Участие в последней встрече приняла ответственный секретарь редколлегии журнала, кандидат социологических наук, доцент Н.К. Иконникова. В редактировании материалов участвовала заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор О.Н. Астафьева. В виду большого объема материалов интервью редакция сочла возможным опубликовать только их первую, основную часть, которая ей представляется наиболее репрезентативной с точки зрения нынешней эволюции взглядов и жизненной позиции юбиляра. Остальные материалы предполагается разместить в следующих выпусках журнала.*

Редакция журнала

#### О «фигуре» и «ядре»

**Гавров Сергей Назипович:** *Сегодня я выступаю в достаточно необычной для себя роли – в качестве интервьюера, и задаю вопросы профессору, главному редактору журнала «Личность. Культура. Общество» Юрию Михайловичу Резнику. Не скрою, что меня радует и предстоящий процесс диалога с ним, и, в целом, причастность к журналу, не говоря, разумеется, и о личной включенности в ситуацию.*

**Юрий Михайлович!** *Мы с Вами находимся в Центральном доме ученых и ведем разговор о предназначении ученых, что весьма показательно. Мне бы хотелось несколько проблематизировать Вашу постановку вопроса относительно «фигуры» и «ядра» человека, о чем Вы несколько минут назад мне говорили.*

**Вы** *сказали, что у Вас, как и у любого человека, имеется некое «внутреннее ядро», которое не растворяется полностью в социальных институтах, поэтому Вы не можете к ним окончательно адаптироваться. Скажите, как Вам кажется, это только Вам принадлежащее – Ваше внутреннее, субъективно заданное качество, или оно предопределено неким божественным промыслом?*

**Резник Юрий Михайлович:** Я готов уточнить некоторые из упомянутых Вами понятий, чтобы читатель понял нас правильно, а моя позиция выглядела в его глазах более обоснованной. Для начала рассмотрим понятия, конкретизирующие содержание понятия личности (см. прим. 1): «ядро», «самость», «фигура» и «персона». Согласитесь, практически у каждого человека имеется *смысложизненный центр* или его *ядро*, т.е. то, что определяется, с одной стороны, «внешним миром» («привнесенностью» или объективной обусловленностью миром трансцендентного, культурного в жизнь человека — идеалами, смыслами, ценностными приоритетами), и, с другой, «внутренней организацией» человека («привносимостью» или субъективной значимостью, это — личностные ориентации и стратегии, интересы и установки), которая указывает на его *самость*. И у него же имеется своего рода «внешний контур», который я называю «*фигурой*», подразумевая под этим сеть предписанных человеку статусных позиций и ролей («внешняя» соотношенность личности с обществом) или внешне (системно) обусловленную индивидуальную матрицу социального поведения (см. прим. 2). С фигурой человека связана в свою очередь его «*персона*», которая характеризуется совокупностью диспозиций («внутренней» соотношенностью человека с обществом, субъективной направленностью ролевых позиций и ожиданий) и которая непосредственно связана с его самостью. Персона — это «личная маска» (набор масок) человека, сквозь призму которой мы судим о его намерениях и поступках. Мы строим свои представления о фигуре человека, исходя во многом из нашего восприятия его персоны, содержащей индивидуально-стилевые характеристики и персональные отличия.

Кстати, здесь напрашивается некоторая аналогия с типологией культуры, предложенной М. Мид. Культура всегда фигуративна, т.е. она имеет дело с фигурами (или фигурантами) людей, а не с их ядром, самостью. Как известно, Мид предложила три варианта фигуративности культуры, различаемые приставками пост-, ко- и пре-.

Можно предположить, что типология культур М. Мид опосредует существование лишь одной из сторон человеческой личности, ее фигуры как ансамбля «внешних» социокультурных связей человека и общества. Она не подходит для анализа ее «ядра» («смысложизненного центра»), определяющего «внутреннюю органику» и самость человека. Ведь сначала ребенок выстраивает свою фигуру под взрослых людей, затем, став подростком, он соотносит ее с фигурами своих сверстников и, наконец, уже, будучи в зрелом возрасте, он «лепит» свою фигуру, сообразуясь с представлениями разных возрастных категорий, в т.ч. как своих сверстников, так и молодых людей, способных инициировать новшества. Однако чрезмерное увлечение своей фигурой и фигуративной культурой может привести к смещению и деформации ядра, утрате человеком своего смысложизненного центра.

Я не помню, были ли у меня эмоционально выраженные духовные кризисы в жизни, но знаю наверняка, что в самые трудные моменты конфликт между ядром моей личности и ее фигурой доходил до крайней точки напряжения. Кто из нас, особенно в молодости, не был озабочен своим карьерным ростом? Вот и я, к сожалению, занимался своим социальным и символическим воплощением, не различая порой себя и свою фигуру.

С тех пор, как были сформированы основные контуры моей профессиональной фигуры, стало понятно, что прежние институциональные барьеры не исчезают полностью. И дело не только в столкновении с Системой, которая противостоит личности и

ограничивает ее «внешнюю свободу» на любом жизненном этапе. Гораздо сложнее обуздать и поставить под контроль свою собственную фигуру, связывающую нас крепкими институциональными цепями с данным окружением и Системой (см. прим. 3).

Поэтому фигура человека, т.е. его статусно-ролевой комплекс, становится полем борьбы Личности и Системы. Главные битвы человечества во многом совершаются именно в этом пространстве. Образно выражаясь, Система стремится к тому, чтобы фигура человека, включенного в нее посредством членства или принудительного вхождения, принадлежала только ей и никому больше. Так она устанавливает контроль над поведением человека, обязывая его служить только ей. И лишь «ядро» человека (его смысложизненные ориентации) может сопротивляться Системе, так как его фигура весьма пластична и поддается внешней коррекции. Ведь сколько раз в своей жизни я встречал «марионеток», растворившихся в своих статусно-ролевых мундирах. Если провести аналогию, то сразу же вспоминается веберовская бюрократия.

Парадокс ситуации заключается в том, что человек не может быть полностью свободен от общества и уйти из Системы, где бы он не работал или не жил. Он не может также вывести из социальной игры свою фигуру, которая постепенно становится заложницей Системы и начинает «отрываться» от его ядра. *Наша самость требует минимума социальности, а наша фигура стремится вместить в себя весь социум.* Иными словами, конфликт между личностью и Системой происходит внутри самой личности, выступая в форме противоречия между ее самостью и всем ядром, с одной стороны, и фигурой, зависимой от Системы, с другой. Но если моя фигура принадлежит не только мне, но и Системе, то, что же тогда остается мне самому? Ведь фигура как индивидуальная матрица социального поведения человека наполняется не только значимыми для меня личностными смыслами, но и социальными нормами, привносимыми в нее Системой.

Мне как личности, не способной умерить или ограничить собственную фигуру, остается моя самость, индивидуально-специфическая организация «внутреннего мира», позволяющая сохранять и поддерживать целостность. Я полагаю, что именно в ней и ядре как смысложизненном центре находится точка сборки всей моей личности. Ведь потеря жизненных смыслов и приоритетов приводит к разрушению ядра, т.е., в конечном счете, к духовной смерти. Моя же социальная смерть, связанная с уничтожением моей фигуры и сопровождающаяся, как правило, исключением меня из конкретного сегмента Системы, имеет второстепенный и обратимый характер. Я смогу постепенно восстановить свою фигуру и реконструировать круг социальных связей, если мне удастся сохранить самость и ядро.

*С.Н.: Итак, вечная борьба социального и индивидуального, системного и жизненного миров? Как же быть тогда с целостностью человека? Для Вас взаимодействие в человеке фигуры и ядра всегда остается пространством непрерывного конфликта? Если да, то все же, какого конфликта: внутреннего или внешнего? Человек всегда должен чем-то жертвовать?*

Ю.М.: Конечно, и того, и другого конфликта. Но позвольте мне все-таки завершить изложение своего концептуального видения этой проблемы и тем самым ответить на Ваши вопросы.

Дело в том, что человеческая индивидуальность налагает свой отпечаток на фигуру личности, выступая в виде персоны — «личной маски» человека, его «внутренней» соотнесенности с обществом, т.е. того, как он желает выглядеть в глазах

представителей своего непосредственного окружения. Именно этим объясняется внимание к важным персонам (сегодня это так называемые «випы» (см. прим. 4)), когда учитываются до мельчайших подробностей их стиль жизни, манеры поведения и привычки. Но означает ли это, что заинтересованные лица проявляют внимание к самому человеку, а не к его фигуре, кругу его связей и ресурсам? Однозначного ответа не может быть. Так, например, на Востоке принято встречать гостя сообразно его статусу в обществе. Это относится также и к официальным приемам в западных обществах. При этом взаимодействуют не сами личности во всем богатстве их связей, а происходит обмен их персональными образами, масками.

Обобщу сказанное. Если фигура характеризует в человеке то, что определяется его «внешними» связями с обществом, то персона привносит нечто индивидуальное и авторское в восприятие фигуры. Другими словами, *персона есть индивидуальный образ или индивидуальное исполнение фигуры, ее стилевая и индивидуально-личностная характеристика*. Поэтому индивидуальность как способ и мера привносимости человека в социальный мир выступает «наружу» как его персона.

Таким образом, у самости личности имеется, по крайней мере, две стороны, связывающие ее с окружающим миром. Во-первых, *индивидуальность* как привносимость ядра человека в социальное окружение; во-вторых, *персональность* как соотнесенность смысложизненного центра человека с данным окружением. Иначе говоря, моя индивидуальность привносит во внешний мир своеобразие моего ядра, прежде всего, мою самость, а моя персональность служит «зеркалом» для этого мира, в котором я вижу и узнаю не только себя, но и окружающие явления, выступая в качестве персоны, т.е. «личной маски».

Следовательно, между ядром личности (смысложизненным центром) и фигурой (статусно-ролевым комплексом, опосредующим «внешнее» взаимодействие человека и общества), находится еще один уровень «внутренней» соотнесенности – персона, характеризующая способ и образ индивидуального исполнения фигуры. Фигур у человека много (он включен своими социальными телами в разные сферы деятельности систем), а персона, как правило, одна. Хотя специалисты в некоторых областях человеческой психики могут подсказать мне, что у человека может быть и несколько персон.

Сейчас как раз уместны некоторые разъяснения и примеры. Когда мы называем человека «директором», «клиентом», «мужчиной», «профессором» и т.п., то мы подчеркиваем в нем, прежде всего, его фигуративные, внешне обусловленные качества. Когда же мы обращаемся к нему «Иван Иванович», «господин Петров», «артист Морозов», «В.В.П.», указывая известные (и не только нам) качества, выделяющие его из общей толпы, то мы уже имеем дело с персоной. Словом, у фигуры имеется всего лишь статусный ярлык (или ярлыки), обозначающий принадлежность человека к определенной социальной группе, а у персоны есть уже свое имя.

Однако персона как «личная маска» делает человека узнаваемым в границах освоенного им социума, но не более того. Его же ядро оказывается скрытым от непосредственного восприятия большинства людей. Поэтому мы чаще всего судим о человеке по его внешне проявляемым признакам – фигуративным и персональным. С этим неизбежно связано появление множества домыслов, слухов и сплетен. Практически за каждым из тех людей, кто находится на виду, т.е. является публичным лицом, тянется длинный шлейф слухов. Относительно же восприятия фигуры дан-

ного человека действуют другие механизмы общественного мнения, не имеющие персонального значения, — стереотипы, предрассудки, расхожие мнения.

Например, фигуративный термин «генеральный секретарь» указывает нам на пост человека в партии или иной организации, а персону «Сталин» узнаваема в значительной части мира. Но что мы знаем о самости реального И.В. Сталина? Да практически ничего. Его называли «отцом народов», «вдохновителем всех наших побед», «тираном», «душегубцем». Но ведь это все не более чем признаки его личной маски, которую люди воспринимали и воспринимают по-разному. Именно Сталину как персоне сопутствуют разные домыслы и слухи. Его же истинное лицо, самость известны очень немногим людям, да и то лишь весьма приблизительно и поверхностно.

Я не случайно так подробно остановился на характеристике ядра и фигуры, самости и персоны, дополнив свою схему рядом уточненных понятий. В нашем разговоре мы должны различать отношение к нам других людей, во-первых, как к фигурам, занимающим значимый пост и подчиняющимся законам социального общения, во-вторых, как к персонам, отличающимся авторским началом и стилем исполнения предписанных нам ролей, и, наконец, в-третьих, как к самости, скрывающей наше ядро и не являющейся прозрачной для большинства окружающих нас людей. Иначе мы рискуем «перейти на личности», а не в плоскость обнаружения существенных характеристик наших персонажей.

*С.Н.: Но если Вы не способны пройти по социальным коридорам, не утратив при этом свою самость, то может Вам, чтобы сохранить себя, стоит в таком состоянии побродить много лет по пустыне, в полной изоляции от социума?*

Ю.М.: Тут дело совсем в другом. Скорее в моем отношении к миру, которое выражается в утрате интереса к преимуществам Систем, не только предоставляющих ресурсы, но и одновременно ограничивающих свободу. Важно понять, что сила общества и любой Системы состоит в слабости нашего ядра, т.е. смысложизненного центра, который смещается в ее сторону, переставая быть источником собственного ориентирования человека в мире. *Чем сильнее Система, тем слабее личность.*

*С.Н.: Я бы так сказал далеко не обо всех...*

Ю.М.: Напоминаю, что непосредственным представителем Системы внутри нас выступает наша фигура (см. прим. 5). Когда фигура оказывается сильнее ядра, то оно смещается, как впрочем, и наоборот. У большинства людей, приспособившихся к системе, наличной ситуации, ядро оказалось смещенным. Положение моего ядра — результат действия двух тенденций: фигуры как «внешней органики», которая у меня, как и у многих людей, деформирована всей предыдущей жизнью в обществе, и моей самости как «внутренней органики», которая формировалась во многом вопреки, сопротивляясь жизненным обстоятельствам. Например, в детском саду мое сопротивление сводилось к тому, что я самовольно покидал его, если мне что-то не нравилось, — такова была форма выражения протеста маленького человечка. Скорее всего, я изначально жил в некотором противоречии с Системой, неважно с какой. Это, по моему мнению, является нормой для каждой личности.

Однако сегодня моя оппозиция Системе не носит открыто антагонистический характер. Я научился с ней сосуществовать. Наверное, это и есть результат социализации. Хотя это не избавляет меня от необходимости поставить под контроль свою фигуру и освободить персону от излишней статусной озабоченности, сведя к минимуму уровень ее системной социальности.

Вообще, самокоррекция фигуры – это особое искусство, требующее подготовки. Вот почему я не сразу освободился от влияния Системы и еще многие годы отдавал ей свои силы и энергию, заботясь о достойном обрамлении фигуры.

### **Первый опыт взаимодействия с Системой. Начало пути**

*С.Н.:* Как складывались Ваши отношения с Системой в детском и юношеском возрасте?

Ю.М.: Да, непросто. Ведь у каждой Системы имеется свой порог терпимости. Мне достаточно было три раза убежать из детсада, чтобы моим родителям предъявили ультиматум: «Либо вы его забираете, либо мы за него больше не отвечаем!» В те годы мой протест против системного давления был исключительно стихийным. Обществу нужна была фигура мальчика, которой можно было бы управлять и в известной степени – манипулировать. Тогда я еще не понимал, что моя фигура, как и фигура любого воспитанника детского сада, должны существовать в обществе по правилам, соблюдая писанный и неписанный кодексы.

*С.Н.:* А ведь детсад, это – даже не школа, и Ваше поведение в нем есть проявление того, что было заложено в Вас еще до момента рождения.

Ю.М.: Не думаю, что это было предопределено до моего рождения. Многое все-таки закладывается воспитанием в семье.

Сразу после детского сада я поступил на один год в школу-интернат г. Макеевки Донецкой области (мама тогда работала в ночную смену и была вынуждена определить меня в интернат), в которой я сразу не прижился, потому что все время выходил за границы правил интерната. Но это не было врожденным бунтарством. Я не бунтарь по своей натуре и не конфликтен, как считают некоторые мои недоброжелатели. Просто институциональные рамки для меня в детстве и юности всегда были тесны, а опыта успешно их обходить или адаптироваться к ним у меня еще тогда не было. К тому же с раннего детства у меня было развито чувство личного достоинства, которое никак не мирилось с несправедливостью и жестокостью в отношениях со сверстниками и старшими людьми. Все это толкало меня на мелкие нарушения, идущие вразрез с некоторыми правилами.

Ведь тогда я не имел ни малейшего представления о том, что за всем тем, что мы делаем в обществе, стоят системные ограничения того или иного уровня (нормы, правила, модели поведения), и что при этом не стоит погружаться в Систему целиком и воспринимать ее как замкнутое пространство. Неполная включенность в системное пространство возможна только в том случае, когда мы сознательно отделяем свою самость от фигуры, предоставляя последней ориентироваться в его лабиринтах.

*С.Н.:* Вы и интернат – это вообще мало совместимые вещи. Ведь интернат – это значит ограничение свободы, сужение рамок передвижения в сравнении с обычной школой. Не так ли?

Ю.М.: Я у Вас чувствую все время некий соблазн к усугублению ситуации, к провоцированию меня на категоричные высказывания. Интернат – это, конечно, жестко нормированный социальный организм. Однако мне не в чем упрекнуть своих учителей и воспитателей. Я благодарен всем тем, кто, желая нам, сопливым мальчишкам и девчонкам, добра, делал все, что мог. И если они еще живы, пусть эти слова станут для них выражением доброй памяти одного из их многочисленных воспитанников, на которого они потратили свои силы в течение та-

кого маленького отрезка времени (с колокольни сегодняшнего дня), — всего лишь первого класса.

А далее «мои университеты» прошли через деревенский быт (у бабушки я прожил несколько лет), который также быстро сменился городской жизнью. Я снова оказался в том же городе, где учился в школе-интернате. На этот раз мне пришлось здесь заканчивать среднюю школу.

Адаптировавшись к сельской жизни, я утратил чувство победителя, с которым я приехал в деревню, так как мне не нужно было каждый день доказывать свою силу и отстаивать независимость. Деревня смягчает людей, делает их более спокойными и инерционными. В ней нет постоянной необходимости бороться за выживание, как в большом городе. Там существуют свои предохранительные барьеры, оберегающие ребенка от жестокости взрослого мира. Поэтому в сельской среде происходит постепенное размягчение фигуры личности, которая утрачивает многие защитные свойства.

Вот почему по возвращении в город мне снова пришлось адаптироваться к жестким законам улицы и непосредственного окружения, в котором я жил и учился. И скажу честно, моя вторая адаптация к городу прошла куда более болезненно. Учитывая тот факт, что я жил в шахтерском городе, где в 70-е гг. кварталы были разделены на зоны влияния местных молодежных группировок, то, разумеется, не обошлось без драк и разбитых носов. И мне пришлось практически заново восстанавливать свою фигуру как способную противостоять насилию.

Познание и деревенского, и городского миров, переход из одной среды в другую во многом помогают, я думаю, мне и сегодня. Да и истоки интереса к изучению общества, вероятно, тоже, видимо, из детства... В большой степени это был период становления моей личности или, в терминах предложенной концепции, — формирования моего ядра.

Потом была учеба в техникуме, так как в институт я сразу не прошел по конкурсу. После окончания техникума я полгода работал в совхозе. А затем наступил черед службы в армии, поскольку снова в институт я поступать не стал, устал от изнурительной учебы в техникуме. К тому же я был правильным и дал обещание военному комиссару придти в призывную комиссию сразу же после техникума. В то время я еще доверял Системе и считал установленный порядок единственно приемлемым.

В армии я, как и многие мои сверстники, столкнулся с насилием сразу двух Систем — злоупотреблениями отдельных начальников и всем известной дедовщиной. Но были и позитивные моменты: я научился, наконец, уходить от прямого столкновения с Системой, не утратив при этом веру в хороших людей и осознав ценность настоящей мужской дружбы. Поэтому не хочу зря очернять армейские порядки. В армии, как и в обществе, встречается немало порядочных людей. Да и воинская дисциплина и изнурительные тренировки прошли для меня не зря. Они приучили меня к еще большей внутренней собранности и организованности.

Именно армия, а точнее, встречи с интересными людьми во время службы, укрепили мою веру в профессиональный выбор. Еще с техникума я мечтал поступить на философский факультет. Во время своих прогулок вокруг казармы мне удалось познакомиться с бывшим студентом философского факультета Киевского государственного университета, который во время очередного мировоззренческого кризиса добровольно пошел в армию. С тех пор наши встречи с ним стали регулярными. В редкие свободные минуты мы с ним беседовали о философских проблемах, обсуждали труды Кан-

та и Гегеля, с которыми мне только предстояло познакомиться. А во время увольнения мы ходили заниматься в местной библиотеке. Где он теперь, мой сослуживец? Сложился ли его путь в философии?

*С.Н.: Юрий Михайлович! Сегодня Вы – опытный руководитель, на счету которого немало научных и организационных достижений. Когда Вы обнаружили в себе лидерские качества? Как складывался Ваш жизненный путь после армии? Научились ли Вы сосуществовать с Системой?*

Ю.М.: Это пришло ко мне очень давно, думаю, еще в детстве, когда я пытался взять верх над сверстниками в разных играх и забавах. Но это были всего лишь попытки, которые не всегда заканчивались удачно. В юности лидерские качества больше всего проявились в увлечении общественной работой: сначала в годы учебы в школе, где я был избран комсоргом группы (мне почему-то всегда хотелось работать больше других), а потом в техникуме, где я снова стал комсоргом группы, выступая с разными инициативами.

Моя активность была замечена Системой, и последняя стремилась направить ее в русло собственных интересов, которые я до поры до времени воспринимал как законные притязания на мою свободу и ее ограничение.

После армии я поступил на подготовительное отделение МГУ им. М.В. Ломоносова, известное тогда как «рабфак». На философском факультете МГУ я сразу же окунулся в мир знания, поглощая огромные объемы информации. Учился, как говорят, прилежно, но особо выдающихся успехов у меня не было. Скорее я был старательным и добросовестным студентом, соответствующим системным требованиям, чем человеком, подающим большие надежды. Нельзя преуспевать во всем, и я всеми силами стремился удержаться на плаву, компенсируя недостатки предыдущей подготовки и стремясь уравнивать свои шансы с однокурсниками. Поначалу я остро чувствовал свой отрыв в уровне подготовки. Армия и все предыдущие годы не прошли бесследно. Необходимо было наверстывать упущенные возможности.

Что же касается моей общественной нагрузки, то я уже с первого курса работал в партийном бюро, а затем, на третьем курсе, был выбран парторгом курса. Поверьте, это было для меня не просто закреплением позиции в коллективе, а скорее реальным воплощением моих идей и способом самоосуществления. При этом моя фигура не находилась в противоречии с моим ядром. И не только потому, что я, несмотря на негативный опыт, приобретенный в армии, где нужно было научиться жить в тени и не высовываться, сохранил свой идейный романтизм, но и потому, что обстоятельства зачастую складывались таким образом, что кому-то надо было брать на себя ответственность. И я ее брал. Не заметить это Система не могла, поэтому меня выдвигали на ту или иную общественную работу. Иногда и «завдвигали», хотя, впрочем, ненадолго, ибо чаще всего Системе не удавалось найти альтернативу моей активности. Хотя были случаи, когда я сам отказывался от непопулярных общественных поручений (например, от работы старосты этажа в студенческом общежитии). Помню, что тогда мой резкий и категоричный отказ вызвал острое недовольство партийного начальства факультета. Я чувствовал тогда себя как человек, у которого не было будущего, так как почти целиком был погружен в системное пространство.

Итак, скажу откровенно, что в школьные и студенческие годы я не считал себя безусловным лидером. Мне приходилось отстаивать свое право на лидерство в группе, преодолевая порой непонимание, а иногда и откровенную неприязнь к себе. Знаю,



что некоторые однокурсники считали меня карьеристом, человеком, который преследует корыстные цели. Возможно, со стороны это так и выглядело. Но тогда меня не особенно заботила репутация. Я считал, что гораздо важнее сохранить свои идейные убеждения и принципы, чем пойти на компромисс или уступки, пусть даже временные. Такая категоричность порой отталкивала потенциальных союзников. Мне не хватало толерантности и гибкости в работе с людьми, за что приходилось не раз рассчитывать на ненужные и часто изнуряющими конфликтами.

Тогда, обретая ускоренными темпами опыт руководства другими людьми, я не отдавал себе еще отчет в том, насколько могущественна Система и сильно ее воздействие на наше поведение. И пока мы повинемся ее негласным или косвенным указаниям, она способствует нашему продвижению по карьерной лестнице, но стоит только один раз оступиться, как ты сразу почувствуешь на себе силу ее возмездия.

Обычно никто не признается себе и окружающим в негативном опыте лидерства, особенно, если это касается воспоминаний или интервью, в которых принято все сглаживать и выравнивать. Чаще всего говорят о том, что получалось и позволило стать успешным человеком. Хочу прямо сказать о своем первоначальном опыте руководства людьми: он складывался постепенно, методом «проб и ошибок», вырос из уроков, которые я постепенно усваивал. Вспоминаю в этой связи случаи, когда в студенческие годы мои не всегда обоснованные претензии на лидерство могли послужить источником конфликтов. И это вполне естественно, ведь я не был опытным игроком и не выстраивал карьерных игр в системном пространстве. Моя импульсивная и несколько резковатая персона часто отталкивала людей, готовых к сотрудничеству, но требующих к себе повышенного внимания.

Приведу лишь некоторые уроки, которые я вынес из опыта взаимодействия с Системой в студенческие годы (начало 80-х гг.).

Проиллюстрирую первые два урока на примере работы командиром студенческого стройотряда в Казахстане, в который я поехал сразу же после второго курса. До этого у меня был лишь небольшой опыт руководства студенческим сельхозотрядом в Дагомысе, большую часть которого составляли девушки.

Первый урок: *нельзя выполнить в полном объеме формальные требования Системы, не идя на явные нарушения и подлоги, чтобы добиться успешных результатов.* Нужно научиться использовать противоречия и «мертвые зоны» Системы в интересах дела.

С самого начала было понятно, что мой отряд не сможет выполнить в полном объеме строительный подряд, что не могло не сказаться на уровне зарплаты студентов, который оказался не самым высоким. Вместо того чтобы действовать «по правилам» и предписаниям, выданным нам в Москве, нужно было договориться с начальством о более выгодных для отряда условиях работы, в т.ч. своевременной поставке строительных материалов.

Второй урок: *не надо брать на себя организационную нагрузку, намного превышающую твой порог возможностей и уровень компетентности.* Иначе Система раздавит тебя, что приведет к тяжелым последствиям.

К сожалению, я решил возглавить стройотряд, не имея соответствующей подготовки и хотя бы элементарных знаний в проведении строительных работ, а самое главное — никакого представления о формах общения с руководителями колхозов и совхозов. Мне пришлось осваивать по ходу непростую науку преподнесения презентов и участия в застолье с руководителями хозяйства, с которыми нам предстоя-

ло заключать договор на строительные работы. Такого опыта у меня не было. Помню, как тяжело мне давались спиртовые возлияния, в которых я обязан был участвовать как командир отряда.

Оценивая сегодня эту ситуацию, я рассматриваю ее как пагубную для себя с самого начала, которая, несмотря на средний результат эффективности, завершилась для меня весьма плачевно: я получил психическую травму и, как следствие, развившуюся на ее почве язвенную болезнь. В результате моя фигура была деформирована, а моя персона пострадала физически и морально.

Третий урок: *не нужно доказывать свое лидерство в Системе, нужно быть лидером на самом деле вопреки мнениям и внешним обстоятельствам.* Системе не нужны автономные личности и независимые лидеры. Ей нужны адепты. Претензии на лидерство и связанные с ними карьерные амбиции – очередная ловушка Системы. Стать неуязвимым для Системы можно лишь тогда, когда откажешься от претензий на лидерство в системном пространстве и перенесешь свою активность в другие области, недоступные ее влиянию. Кстати сказать, некоторые мои однокурсники так и поступали, найдя подходящую для себя маскировку и избавившись от прямого системного контроля.

Но приведу пример, иллюстрирующий данный урок. Еще не успев восстановиться после колоссального напряжения в летний период, я снова ринулся в бой на системном поле и попытался взять на третьем курсе еще одну высоту – пост секретаря партбюро курса. Я решил на это, даже не подозревая о том, какие подводные камни меня ожидали на данном поприще. В те времена партбюро принимало решения о рекомендации для поступления в партию, в аспирантуру, об участии в зарубежных стажировках и пр. Без рекомендации партбюро нельзя было рассчитывать на продвижение по карьерной лестнице. Не случайно вокруг его деятельности велись целые баталии и плелись многолетние интриги. К сожалению, в них участвовали все, в т.ч. и преподаватели факультета, продвигая своих родственников или знакомых. Мне казалось, что я смогу исправить ситуацию и добиться более справедливого распределения системных благ.

И с присущим мне идейным энтузиазмом я «влез в воду, не зная броду». Сразу скажу, что для меня и моей персоны это было нелегким испытанием, которое не раз ставило меня в ситуацию сложного выбора, при этом иногда дело доходило до откровенного шантажа. А терять нам тогда было что. Так, на четвертом курсе мне один преподаватель долго не ставил отметку за экзамен, так как я перешел дорогу его сыну. Подобная проблема возникла у меня и при поступлении в аспирантуру, когда выяснилось в последний момент, что я «неправильно» оформил реферат на дипломную работу. За это мне сняли целых два балла. На этот раз «помог» другой преподаватель, сына которого мы не рекомендовали в аспирантуру в виду его полного разгильдяйства. Были также попытки без серьезных поводов досрочно переизбрать меня с поста секретаря партбюро курса, так как я многим мешал своей принципиальностью (или категоричностью).

И мне бы надо было уйти самому, сосредоточив силы на собственной профессионализации и уделив больше внимания текущей учебе, но опять помешала гордыня, характерная для моей тогдашней персоны, и навязчивые представления о том, какой должна быть фигура парторга курса. Системная ловушка в очередной раз сработала. И только много лет спустя я осознал, что одной из главных причин того, что

меня не понимали однокурсники, а некоторые из них откровенно недолюбливали, была вовсе не присущая мне категоричность, а моя приверженность Системе, которой я вольно или невольно служил. Но были и ребята, которые принимали мою персону такой, какой она являлась на самом деле, доброжелательно стараясь внести коррективы в мой образ и отговорить меня от чрезмерного увлечения системными атрибутами.

Прошли годы после окончания философского факультета. Я ушел с головой в научно-образовательную деятельность и потерял из виду большинство своих однокурсников. Так получилось, что и в научных кругах наши пути больше не пересекались. Нас разбросало по вузам и регионам постсоветского пространства. Я потерял контакт с большинством из них. И хотя у нас уже были две встречи с однокурсниками (юбилеи по окончанию университета – пятнадцатилетний и двадцатилетний), но пелена моего непонимания с частью однокурсников так и осталась неразорванной. Люди не меняются, сохраняя на долгие годы свой стиль и поведенческие манеры. Поэтому их персоны, несмотря на годы, оказались столь же узнаваемы, как и в студенческие времена. Да и я, чего греха таить, не изменил свое отношение к курсу, до сих пор рассматривая его как разобщенную группу. В свою очередь, я так и остался «рабфаковцем» и мне значительно дороже воспоминания из нашего общежития, где мы когда-то собирались за чаем, чтобы обсудить назревшие вопросы, чем желание восстановить целостность курса.

Единственное, что объединяет меня с большинством курса, так как это наши замечательные кураторы – начальники курса: Григорий Григорьевич Судьин, работающий доцентом на кафедре истории русской философии, Ольга Алексеевна Полякова, которая ушла с факультета почти сразу же после окончания нами факультета, и Владимир Васильевич Миронов, ныне декан факультета и заведующий кафедрой онтологии и теории познания. Остались также добрые отношения с некоторыми однокурсниками, работающими в науке.

Поскольку моя специализация, а затем и учеба в аспирантуре проходили на кафедре методики и техники конкретных социологических исследований, и далее – на отделении прикладной социологии, то не могу не вспомнить с благодарностью первого руководителя отделения, профессора Бориса Владимировича Князева, заботливо опекавшего аспирантов, а также возглавлявшего некоторое время кафедру профессора Владимира Григорьевича Гречихина, который снова вернулся на факультет. С особой благодарностью и теплом хочу вспомнить доцента кафедры и заместителя декана по учебно-методической работе социологического факультета Людмилу Георгиевну Костюченко, с которой меня связывали многие годы дружбы и успешное научное сотрудничество. Ее уже нет с нами, но светлая память о ней сохранится в моем сердце. Столь же теплые воспоминания сохранились у меня о профессоре Раисе Ивановне Руденко, которая много лет после окончания факультета помогала мне обрести свой путь в науке.

Оглядываясь сегодня назад, я отдаю себе отчет в том, что в годы моего профессионального и организационного становления мой стиль отношений с людьми был далек от идеала. И, к сожалению, многим из тех людей, кого уже нет в живых, я не уделил должного внимания.

Общественная работа заражает нас вирусами активности и непоседливости, беспокойства и неравнодушия. Это накладывает свой отпечаток на персону человека.

Не прошло это и мимо меня. Я сохранил свою активность, но избавился от желания быть лидером. Я им просто стал.

*С.Н.: Конечно, все мы родом из детства. Но что-то из сегодняшней жизни напоминает Вам того дерзкого и непокорного мальчишку, который выходил за рамки системных ограничений? Или Вы научились сосуществовать с Системой, пройдя нелегкий путь адаптации к ее требованиям и ограничениям?*

Ю.М.: Не думаю, что мы меняемся радикальным образом, хотя сегодня у меня нет желания устраивать разного рода испытания своим коллегам, на которые я был способен в детстве. Возможно, это проявляется отчасти в стиле ведения моих интервью, требующих от них определенного эмоционального напряжения. Мне нравится, чего греха таить, накалять обстановку до предела, открывая тем самым перед моими собеседниками возможность быть более откровенными. Но это совсем другая ситуация. В каждом интервью между мной и респондентом устанавливается свой режим взаимодействия, и я стараюсь учитывать психологические особенности своих партнеров по общению.

Отвечаю на последнюю часть Вашего вопроса. Нет, я так и не научился сосуществовать с Системой, хотя отдал ей много сил и времени. Но поскольку ее вирусы глубоко проникли в мой организм, отравляя его всю жизнь, я не смог полностью избавиться от ее воздействия. Залечить социальные болезни, приобретенные в процессе социализации, нелегко. Еще труднее вытравить из себя раба Системы. Чтобы понять эту простую истину, мне понадобилось прожить пятьдесят лет.

### **О карьере, проектах и людях, имеющих к ним отношение**

*С.Н.: Жизнь любого талантливого человека — это всегда восхождение по карьерной лестнице и, конечно же, череда проектов. Насколько я знаю, Вы работали в Московском государственном социальном университете (кафедра социальной инженерии и факультет социальной антропологии), затем в Университете дизайна и технологий, где Вы создали Институт социальной инженерии, в Институте социально-политических исследований РАН и, наконец, в Институте философии РАН. Одним словом, Вы прошли многое в своей профессиональной жизни, и в целом Ваши прежние проекты были организационно успешны. Но Вы так быстро набирали символический капитал и «аппаратный вес», что, видимо, это вызвало серьезные опасения власть предержащих. Полагаю, что у них не раз возникало желание локализовать Вас, ввести в привычные системные рамки, а у наиболее слабых из них — просто избавиться от Вас. Расскажите о своем профессиональном пути, о тех терниях и удачных проектах, которые его сопровождали. Во что бы Вы точно не «ввязались» снова, если бы Вам представилась возможность попробовать еще раз?*

Ю.М.: Если говорить о пройденном пути с позиций сегодняшнего дня, то ясно одно — жизнь уже не переделаешь. Все удачи и неудачи, ошибки и достижения, если они, конечно, были, остались в прошлом. Но, возможно, если бы я не «ввязался», как Вы выражаетесь, в некоторые начинания, то не смог бы приобрести опыт, пусть даже ценой «набивания шишек», выращивания фигур, с которыми вскоре пришлось расстаться. Хотя персона, как известно, изменяется медленнее, но и она со временем обрастает массой субъективных наслоений, сквозь которые трудно докопаться до сути и разобраться хотя бы в самом себе.

Одно могу сказать с уверенностью: я избрал для себя сначала интуитивно, а затем сознательно нелегкий путь в профессиональном мире. Вначале я пытался делать карьеру в ее традиционном понимании, т.е. как восхождение по служебной лестнице в избранной сфере деятельности с причитающимися каждой ступеньке званиями, благами и т.п. Я защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звания доцента и профессора, прошел путь от младшего научного сотрудника и доцента до профессора, заведующего кафедрой, декана факультета, ученого секретаря университета и даже заместителя директора по научной работе академического института. Затем в силу причин, которые станут понятны читателю далее, я стал развиваться в профессиональном плане по горизонтальной траектории, выстраивая сетевые взаимодействия в научном сообществе. Моя карьера в привычном смысле на этом закончилась. Я достиг предела возможностей своего существования в системном мире и постарался перейти в другое, проектное измерение профессиональной жизни. Оказалось, что моя стихия – это *проектная культура*.

А теперь все по порядку. Вам и моим читателям придется набраться терпения, так как далее последует описание некоторых жизненных обстоятельств и объяснение причин, которые их породили или обусловили. Как известно, без предыстории не может быть и самой истории. Тем читателям, кто хочет понять мою «внутреннюю логику», имеет смысл потратить время на чтение, остальным же рекомендую пропустить эти страницы. Предупрежу сразу, никаких сюрпризов и сенсаций не будет.

Я начал свою научно-педагогическую карьеру в аспирантуре философского, а затем социологического факультета *МГУ им. М.В. Ломоносова*, где мне пришлось совмещать исследовательскую и преподавательскую работу. Мне удалось читать лекции по теории и методологии социологии студентам факультета. В научном плане я не сразу определился. Поначалу мне предложили тему, далекую от моих научных интересов. В конце второго года аспирантуры мне удалось убедить формального научного руководителя в целесообразности смены темы кандидатской диссертации. С третьего курса я увлекся проблемой гражданского общества. Поскольку в то время оно квалифицировалось исключительно как буржуазное, мне пришлось доказывать, что в работах самого Маркса это понятие употребляется в строго научном смысле и, следовательно, имеет право на существование. Опора на авторитет классика марксизма помогла мне защитить диссертацию.

Моим настоящим научным руководителем был Юрий Леонидович Нестеренко, кандидат философских наук, доцент, который за свою интерпретацию молодого Маркса и налет гегельянства был исключен из вуза и вынужден был работать не по специальности. Я знаю, что Юрий Леонидович был известен в философско-культурологическом сообществе. Он дружил с Н.С. Злобиным, неоднократно общался с В.М. Межуевым и другими теоретиками культуры. Мы встретились с ним в 1983 г. в общежитии МГУ (ДСВ) на 20-м этаже, где он устроился на работу комендантом, чтобы быть поближе к студентам-философам. Спустя несколько лет мы подружись с ним и стали регулярно вести беседы о философии Гегеля и Маркса, о преемственности их идей и многом другом. Так неожиданно зародился мой интерес к идее гражданского общества, которую, как известно, Маркс унаследовал от Гегеля, так и не успев предложить развернутую концепцию. Окутанная тайнами и идеологическими мифами эта идея захватила меня целиком.

С огромной теплотой и благодарностью я вспоминаю наши вечера и шахматные матчи с Юрием Леонидовичем (он был кандидатом в мастера спорта по шахматам, а на самом деле мастером и поэтому мои шансы выиграть у него были весьма ничтожны). Именно этот человек привил мне стиль написания текстов и проблемное видение объекта исследования. Я рад тому, что много лет спустя он смог присутствовать лично на защите моей докторской диссертации, переживая ситуацию еще острее меня. Вскоре Юрия Леонидовича не стало. В 1999 г. ушел из жизни этот искрометный, идейно и научно увлеченный человек, любитель шахмат, хороших книг и кофе (кстати, я сохранил его чашку для кофе). Светлая ему память!

После защиты кандидатской диссертации (сентябрь 1990 г.), посвященной проблемам гражданского общества в наследии К. Маркса, я стал работать на кафедре социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, куда меня пригласил на работу мой первый оппонент, профессор К.Х. Момджян. Поэтому мои первые проекты были там. Под руководством К.Х. Момджяна мы провели вначале Всесоюзную научную конференцию по теме «Социальная философия в конце XX века» (декабрь 1990 г.), а затем издали сборник материалов конференции. На факультете я читал спецкурс по гражданскому обществу и вел семинарские занятия по общему курсу социальной философии. Благодаря своему участию в организации конференции, мне удалось ближе познакомиться с такими известными социальными учеными, как В.С. Барулин, В.С. Грехнев, В.Ж. Келле, Н.И. Лапин, В.М. Межуев, Ю.К. Плетников, А.В. Разин, Ю.И. Семенов, А.С. Ципко, В.Н. Шевченко и др., с большинством которых я сотрудничаю до сих пор.

Работа на кафедре мне понравилась, как и сам коллектив, где было много моих прежних преподавателей. Но, к сожалению, я успел проработать там чуть меньше года, так как не смог «сработаться» с тогдашним заместителем секретаря парткома по идеологии. По-видимому, ему не понравились моя позиция в коллективе и резкие выступления на партийных собраниях. Несмотря на положительное решение декана факультета и заведующего кафедрой о продлении моего трудового контракта на очередной срок, партком прислушался к мнению своего «идеолога» и не дал мне рекомендацию (тогда такая рекомендация была обязательным условием приема на работу). Примечательно и то, что ровно через месяц после того, как я ушел с факультета, руководство парткома сложило свои полномочия, так как в августе 1991 г. КПСС прекратила существование. Так, я оказался поневоле последней жертвой партийных «чисток», у которых всегда были свои герои, чьи имена я из уважения к возрасту и их былым заслугам сегодня называть не стану.

Таким образом, из партии меня, конечно, не исключили, тем более, что в этом уже не было необходимости, но на работу в МГУ не взяли. Удивительно, что до данного инцидента у меня было самое благоприятное мнение об этих людях. Еще в студенческие времена я с удовольствием слушал их лекции, читал учебники и статьи. Не думаю, что они руководствовались профессиональными мотивами. Полагаю, что и многие наши коллеги, которые знают их с лучшей стороны, вряд смогут предоставить хоть какое-то моральное оправдание данному поступку.

Еще один год я занимался проектной деятельностью в Институте экономических стратегий, а затем перешел на работу в вуз. В *Московском государственном социальном университете* (1992–1999) я работал на разных должностях — доцента, заведующего кафедрой (даже трех кафедр — социальной инженерии, управления персо-

налом и социальной антропологии), декана факультета и ученого секретаря университета. Более или менее законченными получились учебно-научные проекты по *социальной инженерии* и *социальной антропологии*. Нам удалось создать сильный профессорско-преподавательский коллектив, привлечь ведущих специалистов в области социологии организаций и управления (В.В. Щербину, Ю.Л. Красовского, В.С. Дудченко и др.), социальной и культурной антропологии (М.Л. Бутовскую, А.А. Белика и др.). Эти кафедры существуют в университете и сегодня. Главное, что тогда нам удалось сделать, — разработать и издать учебные программы и пособия, в т.ч. пособия «Социальная инженерия: курс лекций» (М., 1994; в соавторстве с В.В. Щербиной и др.), «Социокультурная антропология: историко-теоретическое введение» (М., 1998; в соавторстве с А.А. Беликом) и др.

Заметными событиями научной жизни России конца 90-х гг. стали Всероссийские научные конференции, проведенные нами на базе МГСУ, в т.ч. конференции «Социальная инженерия в современном обществе» (1994) и «Социальная антропология на пороге XXI века» (1997). На этих конференциях и постоянно действующих семинарах я познакомился с большинством людей, с которыми сотрудничаю и поныне.

Работая в МГСУ, я получил уникальный опыт руководства малыми структурами, хотя, конечно, не обошлось и без напряжения, поскольку усиление моего коллектива не всеми руководителями, с которыми я работал, воспринималось адекватно. Сразу скажу, что назвать меня «подарком» в то время вряд ли было можно, — слишком много личного я привносил в свою фигуру. Я умел находить не только сторонников среди профессионалов, но и противников в преподавательской и административно-управленческой среде. Но благодаря терпимому отношению ко мне ректора, мне удалось попробовать себя в разных качествах, прежде чем я перешел в другой вуз. Все-таки, семь лет — это большой промежуток времени. За эти годы я смог защитить докторскую диссертацию и получить звание профессора, что стало возможным, несмотря на мои сложные отношения с некоторыми руководящими коллегами. Тогда меня многое задевало, казалось несправедливым. Сейчас же я считаю, что основания для претензий были и с другой стороны. Люди, работавшие со мной, не могли иначе реагировать на мой категоричный стиль общения и мои намеки на их недостаточный профессионализм. Я вел себя с ними не по правилам, поэтому моя персона вызывала у некоторых из них неприятие. В какой-то момент я почувствовал, что исчерпал свой научно-организационный потенциал в данном университете и попросил ректора отпустить меня. Мне хотелось попробовать свои силы в новом деле и на новом поприще, приобрести больше самостоятельности.

Таким делом стал проект *Института социальной инженерии* (1998—2001) при Московской государственной академии легкой промышленности (ныне — Московский государственный университет дизайна и технологий), создание которого я инициировал, еще работая в МГСУ. Сразу скажу, что данный проект отнял у меня много сил и здоровья. Самым сложным оказалось организовать прием студентов на гуманитарные специальности в техническом вузе. Но мы упорно работали и смогли получить образовательные лицензии, а затем развернули подготовку специалистов по социологии, психологии и социальной антропологии. В своей образовательной политике я продолжил курс на привлечение известных в профессиональных кругах специалистов по философии, культурологии, социологии и этнологии, психологии и менеджменту. Поэтому усилия небольшого коллектива института оправдались уже

через два года, когда мы добились устойчивого набора студентов и о нас узнали в научно-педагогическом сообществе.

Следует отметить, что в 1999–2000 гг. Институт социальной инженерии (ИСИ) стал площадкой для многих научных дискуссий и полигоном для апробации новых учебных программ. В его стенах родился и наш журнал «Личность. Культура. Общество», обсуждению концепции которого было посвящено немало семинаров и встреч с коллегами. Особенно хочу выделить I Международную научную конференцию «Человек, культура и общество в эпоху глобализации», участие в которой приняли свыше 700 человек – научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов. Без организационного участия преподавателей и студентов ИСИ конференция не была бы такой успешной. С тех пор мы провели еще пять конференций, но нашу первую конференцию я буду помнить всегда.

Одним словом, нам удалось поставить дело, хотя его плоды достались уже не нам. Институт стал приносить стабильный доход от платного набора студентов, который шел, за исключением отчислений в ректорат, на оплату труда преподавателей и сотрудников. Мы приобрели небольшой библиотечный фонд, компьютерную технику, мебель и оборудование, провели ремонт выделенных нам помещений. Но руководство университета к началу четвертого года существования нашего подразделения отказалось от прежних договоренностей (условий финансирования и набора профессорско-преподавательских кадров), а новые «правила игры», в т.ч. переход на финансовый режим существования обычных факультетов, оказались для меня и моего коллектива неприемлемыми. И мне после долгих дискуссий с коллегами и разбирательств с начальством пришлось уйти оттуда вместе с ядром нашей команды.

Хочу особо отметить моральную поддержку и организационное участие, которое оказали в тот момент В.В. Щербина, В.П. Култыгин, П.С. Гуревич, Э.А. Орлова, Н.К. Иконникова и некоторые другие коллеги. Они могли остаться и продолжать работать в новых условиях, но предпочли уйти со мной, сохраняя всеми силами командный дух. И сейчас эти люди сотрудничают со мной, за что им мой огромный поклон и благодарность. В настоящее время институт продолжает работать на правах факультета МГУДТ. Но это уже не наша история. Самое главное – мы создали предпосылки для успешного функционирования проекта.

В *Институт социально-политических исследований РАН* (ИСПИ РАН), где я проработал 2 года (1999–2001), меня пригласил на работу профессор В.П. Култыгин, с которым мы сотрудничали еще в МГСУ и ИСИ МГУДТ. Как такового проекта в ИСПИ РАН у нас не было. Скорее это была попытка внедрить некоторые формы работы с аспирантами и соискателями, наработанные в вузе. Хотя нам и здесь удалось развернуть научно-организационную деятельность, привлекая к семинарам и конференциям своих коллег и партнеров. Мы провели также презентацию журнала «Личность. Культура. Общество» в Центральном доме журналиста, создали научную Евразийскую социологическую ассоциацию и провели ее учредительное собрание. Это был этап бурной научно-организационной активности для нашей команды, работающей одновременно и в ИСИ. К сожалению, мне не удалось в это время написать ни одной книги, хотя были статьи, сборники материалов конференции.

Поначалу я возглавил в ИСПИ РАН учебный центр, призванный осуществлять программы подготовки аспирантов и дополнительного образования. Затем мне оказали доверие, назначили заместителем директора по научно-организационной ра-



боте, прочили большое будущее. И я, не послушавшись совета Владимира Павловича Култыгина и других коллег, согласился перейти на руководящую работу, которая потребовала от меня практически ежедневного присутствия и неукоснительного исполнения поручений директора. Но моя самость опять меня «подвела». Я слишком рьяно взялся за дело, нажив себе сразу много недоброжелателей. В силу особенностей своей натуры («промолчать бы иной раз, просто послушать, а потом в иной обстановке высказать свое мнение, может быть оно и воспринималась бы иначе...»), я не смог оправдать надежды, которые на меня возлагали директор и старшие коллеги, и действовал иногда в разрез с правилами, принятыми в данном коллективе. Причем, меня неоднократно пытались поправить, ввести в нужное русло, прежде чем выносить какие-либо санкции. Но, видимо, я оказался «неисправимым» сотрудником и в результате мне и работавшей со мной Н.К. Иконниковой пришлось уйти в другой институт. Разумеется, моему переходу сопутствовала масса сложностей и козней, спровоцированных ближайшими советниками директора, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

Тем не менее, несмотря на все сложности, опыт научно-организационной работы в академическом институте и общения с опытными коллегами и руководителями дал мне многое. Я освободился, наконец, еще от одной иллюзии, что можно совместить проектно-сетевой подход с административно-управленческим. К сожалению, они не совмещаются, ибо существуют в разных измерениях. Отсюда вывод: *хочешь жить в системном мире, действуй по его правилам, или хотя бы создавай видимость такой деятельности, используя системные ресурсы в своих интересах (как это делает большинство), но не пытайся переделать эти правила под себя.* Или иди своим путем, создавай собственное пространство, в котором ты сам устанавливаешь правила игры. К сожалению, осознание столь простой истины пришло ко мне слишком поздно. А ведь сколько душевных сил мне удалось бы сберечь...

Ситуация раз за разом повторялась: на новом месте работы я быстро «набирал вес», достигал определенного статуса, а потом все происходило по прежнему сценарию, – Система, как и прежде, выталкивала меня в новое пространство в силу принципиальной несовместимости с ней моей фигуры, а, возможно, и персоны. Кто-то на моем месте стал бы рвать на себе волосы и идти на попятную, спешно корректируя свою фигуру, приспособливая ее под системные требования, но только не я. Я понимал, что дело не только и не столько во мне, сколько в несовершенстве самой Системы, порочности ее отдельных традиций и укладов, которые невозможно переделывать в одиночку или даже с участием небольшой группы людей. Ведь сколько десятилетий наши политические лидеры борются с коррупцией, а она только укрепляется и становится все более повсеместной. В науке свои проблемы, но и здесь никто не отменял пока принципов клановости и корпоративности.

*Против Системы нужны жесткие системные меры и приемы, которые должны идти «сверху» (любые антисистемные действия «снизу» она может подавить или претворить). Нельзя уничтожить Систему, не воздвигнув на ее месте фундамент новой, пусть более совершенной и человекосоразмерной Системы.* Но участвовать в этой системосозидательной деятельности я уже не стал. Надоело.

И только тогда, когда я перешел на работу в *Институт человека РАН* (январь 2002 г.), произошло мое постепенное оздоровление и окончательное расставание с иллюзией возможности делания карьеры на административном поприще без суще-

ственной коррекции и подавления своей персоны. Я так и не смог адаптировать свою персону к системным требованиям, хотя и пытался освободиться от прежней фигуры, которая мешала мне выстраивать новые отношения в научном сообществе.

В момент моего перехода, как мне стало известно, в некоторых кругах распространилось мнение, что Ю.М. Резнику нельзя доверять руководящую работу в академических структурах, так как это нарушает сложившийся корпоративный порядок (к счастью, это мнение не поддержали мои коллеги из Института человека и приняли меня в свой замечательный коллектив). Но не буду это мнение оспаривать, тем более что оно относится к одной из моих прежних фигур или персон. Возможно, в той системе ценностей это так и было. Но человек — существо многоуровневое и в нем сосуществуют не одна, а несколько фигур. Одно хорошо, то, что благодаря трудностям профессионального и организационного роста, я смог окончательно найти для себя другую сферу самореализации — *сферу сетевых проектов и структур*.

Самым главным своим проектом, появившимся в предыдущее десятилетие, я считаю журнал «Личность. Культура. Общество». В какой-то мере он стал интегративным, но не итоговым, так как еще находится в пути, как впрочем, и его главный редактор. В этом проекте для меня самым важным является то, что журнал предоставляет другим людям новые содержательные и организационные возможности: для кого-то журнал — это трибуна, где он может высказывать собственное мнение, а подчас и развивать новаторские, дискуссионные идеи; для другого — это уверенные шаги на научной стезе, подтверждение своего статуса. Надеюсь, что со мной или без меня, но востребованность журнала останется и будет поддерживаться учеными. Сегодня журнал стал вполне самостоятельной структурой.

У его истоков стояли замечательные люди и ученые — Г.А. Ткаченко, Н.Н. Козлова, В.П. Култыгин, О.А. Митрошенков, Л.А. Мостова, В.В. Щербина, Н.К. Иконникова и др. К сожалению, некоторых из них уже нет в живых. Первый выпуск журнала «Личность. Культура. Общество» вышел в декабре 1999 г., когда я работал в ИСПИ РАН и Институте социальной инженерии МГУДТ. Сегодня в редколлегии журнала работает около 50 человек, представляющих разные области социально-гуманитарных наук (философии и культурологии, социологии и политологии, психологии и педагогики, филологии и искусствознания, теории организации и управления). Их персональный состав Вы можете увидеть на первых страницах каждого выпуска журнала.

Возвращаясь к прежним структурам, хочу отметить, что первый десятилетний период моей деятельности (1991–2001), включая работу в МГУ, МГСУ, Институте социальной инженерии МГУДТ и ИСПИ РАН, я бы обозначил как *экстенсивный*. Это был период проб и ошибок, выращивания гибридных фигур, не соответствующих моей сути и непригодных в то же время для разного рода Систем. Многие пришлось оставить, но какие-то проекты сохранились и перешли в следующий период, в т.ч. журнал «Личность. Культура. Общество».

Мне хочется верить, что с 2002 г. начался переходный период, который, я надеюсь, станет, в конце концов, *интенсивным*, так как я продолжаю еще реализовывать себя в разных качествах, используя при этом несколько фигур — главного научного сотрудника Института философии РАН, заместителя директора по науке Российского института культурологии, научного руководителя сети Межвузовских центров социальной теории, организатора научных конференций и семинаров и т.д. И

все же начало этого периода пока характеризуется неким разбросом сил, поскольку одновременно мне приходится быть включенным в несколько структур и проектов.

Хочу особо отметить, что все эти годы, несмотря на пережитые «взлеты» и «падения», мне посчастливилось работать с людьми, без доброго расположения и поддержки которых вряд ли мне удалось бы продвинуться в реализации проектов. Особо хочу отметить сотрудничество и дружбу с Вячеславом Вячеславовичем Щербиной (судьба нас связала еще со времен работы в МГУ), с Наталией Кирилловной Иконниковой – моей однокурсницей по философскому факультету и незаменимым партнером в осуществлении образовательных программ и издании журнала, с Николаем Александровичем Степановым, с которым мы учились в аспирантуре социологического факультета МГУ, а затем подружились и стали заниматься общими делами, Павлом Семеновичем Гуревичем, дружеские связи с которым не прерываются на протяжении более десяти лет, Константином Семеновичем Пигровым, необыкновенным человеком и замечательным другом. В последние годы я тесно сотрудничаю с Ольгой Николаевной Астафьевой, моим заместителем и соратницей, советы которой мне помогают лучше разобраться в сложных ситуациях, Петром Кондратьевичем Гречко, с которым меня связывают общее увлечение социальной теорией, Вадимом Михайловичем Межуевым, которого я особенно ценю за яркий талант и глубокое понимание жизни, Борисом Григорьевичем Юдиным, моим непосредственным начальником и неизменным собеседником. Я не хочу обидеть других коллег, о которых речь пойдет в других сюжетах. Но эти признанные профессионалы и замечательные люди были и остаются до сих пор в числе самых активных участников нашего сетевого сообщества.

*С.Н.: Скажите, пожалуйста, а как начался Ваш интенсивный период профессиональной деятельности? Что дали Вам в проектном плане работа в Институте философии РАН и Российском институте культурологии, где Вы заняли значимые позиции? Какие проекты Вы успели осуществить, работая в них?*

Ю.М.: Начиная с 2002 г., я сосредоточил свои силы на трех направлениях: издании журнала «Личность. Культура. Общество», разработке методологии комплексного изучения человека, обосновании социальной теории и культурологии. Эти направления мне удалось реализовать, работая в Институте философии РАН и Российском институте культурологии.

Как известно, журнал «Личность. Культура. Общество» был создан в лоне Российской академии наук и при содействии вузов России. Сегодня его официальными издателями являются Институт философии РАН (директор – академик РАН, профессор Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, г. Москва), Ивановский государственный университет (ректор – проф. Владимир Николаевич Егоров, г. Иваново), Северо-Западная академия государственной службы (ректор – проф. Александр Сергеевич Горшков, г. Санкт-Петербург), Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (президент – акад. РАО, проф. Анатолий Петрович Лиферов), Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (президент – проф. Геннадий Иванович Геринг). Наряду с издателями, редакции журнала оказывают содействие свыше 30 общественных редакционных советов, созданных на базе вузов России, Украины и Белоруссии.

С 2004 г. журнал приобрел международный статус. Теперь он издается под грифом трех академий – Российской академии наук, Национальной академии наук Бе-

ларуси и Национальной академии наук Украины. Кроме того, журнал входит в число периодических изданий, рекомендованных ВАК России и Беларуси для публикации работ соискателей ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям «философия», «культурология», «социология», «филология», «искусствоведение». О своем стремлении принять участие в издании журнала заявили также представители Академий наук Польши, Болгарии и других стран Восточной Европы.

Отношение к журналу, претендующему на востребуемый сегодня гуманитарный междисциплинарный профиль и высокий академический стиль, априори не могло быть однозначным, тем более что данный сегмент печатной продукции уже, казалось бы, давно и прочно заняли такие ветераны научной периодики как «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Политические исследования», «Общественные науки и современность», «Этнографическое обозрение» и другие издания. Но прошло немногим более 5 лет и, по мнению экспертов, новый журнал стал одним из наиболее интересных и перспективных научных изданий междисциплинарного типа. Думаю, что пока не стоит обольщаться этими отзывами, рассматривая их как высокий кредит доверия, которое еще предстоит оправдать.

Моя проектная деятельность в *Институте философии РАН* стала естественным продолжением работы в Институте человека РАН, где благодаря моим прежним антропологическим занятиям состоялся органичный переход к проблематике комплексного изучения человека. Я увлекся этим, стал заниматься исследованием социокультурных проблем личности. До прихода в Институт человека у меня уже были изданы некоторые работы по проблемам личности, но главные труды по данному направлению появились именно здесь. Одна за одной вышли книги: монография «Жизненные стратегии личности: опыт комплексного анализа» (М., 2002; в соавторстве с Е.А. Смирновым), учебные пособия «Введение в теорию личности: социокультурный подход» (М., 2003; в соавторстве с Л.Г. Костюченко) и «Введение в теорию личности: Личность и ее жизненный мир» (М., 2004; в соавторстве с Л.Г. Костюченко), глава «Личность» в учебнике «Социология: курс общей теории» (М., 2002-2008; под ред. Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева) и др., появились статьи по указанной проблематике.

В настоящее время я работаю главным научным сотрудником в секторе методологии междисциплинарных исследований человека отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН (руководитель — М.С. Кисилева), что открывает передо мной широкие возможности разработки новых проектов. Здесь у меня сложились рабочие и взаимоуважительные отношения с коллегами. Особо хочу отметить плодотворное научное сотрудничество с В.С. Степиным, Б.Г. Юдиным, В.Ж. Келле, П.С. Гуревичем, А.П. Огурцовым, В.М. Межуевым, А.Л. Никифоровым, В.Г. Федотовой и др.

В Институте философии РАН мне удалось реализовать еще один научно-организационный проект. Это — *Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории*, состав которого утвержден в прошлом году на Ученом совете Института философии РАН. Председатель совет — академик В.С. Степин. Я — его заместитель. В него вошли представители Института философии и региональных центров социальной теории (А.А. Кара-Мурза, В.Ж. Келле, П.Ф. Кравчук, Н.И. Лапин, В.М. Межуев, А.Л. Никифоров, В.И. Разумов, З.М. Саралиева, В.Г. Федотова, В.Н. Шевченко, Б.Г. Юдин и др.). Основной целью создания такого Совета стало внедрение и развитие в

научно-образовательных учреждениях России и стран СНГ отечественного и зарубежного опыта изучения философских проблем современной социальной теории.

Под эгидой Совета и Ассоциации «Междисциплинарное общество социальной теории» (МОСТ) совместно с академическими и образовательными учреждениями России и стран СНГ проводятся ежегодные Международные научные симпозиумы по проблемам социальной теории, ежемесячный методологический семинар Института философии РАН, издаются научные альманахи и ежегодники.

Так, в 2007-2009 гг. мы провели два симпозиума в Москве на базе РУДН (тема «Современная социальная теория: А. Гоулднер и представители институционализма»; ответственный – проф. П.К. Гречко), три симпозиума с международным участием по проблемам социальной теории в г. Рязани на базе РГУ им. С.А. Есенина (тема «Социальная теория и проблемы гуманитарного образования»; ответственный – доц. Н.А. Степанов), симпозиум в г. Курске на базе КурскГТУ (тема «Личность и творчество в современном мире», ответственная – проф. П.Ф. Кравчук), два симпозиума в г. Чебоксары на базе ЧГПУ (тема «Социальная теория и проблемы гражданского общества»; ответственная – доц. М.Б. Кожанова). В 2009-2010 гг. мы готовимся к очередным симпозиумам в г. Москве (РУДН), г. Рязани (РГУ им. С.А. Есенина), г. Нижнем Новгороде (ННГУ), г. Чите (ЧитГУ).

В числе совместных изданий Совета и Ассоциации МОСТ хотелось бы назвать три тома научного альманаха «Вопросы социальной теории», где я являюсь ответственным редактором (Т. 1. Философские и научные основания современной социальной теории. М., 2007. 376 с.; Т. 2. Социальная реальность: концепции и методология исследований. М., 2008. 372 с.; Т. 3. Социальность и культура в изменяющемся мире. М., 2009. 500 с.), а также два выпуска ежегодника «Гражданское общество: идеи и практики» (Чебоксары, 2007, 2009).

Совет и Ассоциация МОСТ оказывают научно-методическое содействие сети межвузовских центров, которые созданы и успешно работают по собственным научным направлениям в отдельных регионах России, в т.ч.:

- 1) Москва. РУДН (при кафедре социальной философии). Руководитель центра – проф. Ю.М. Резник. Тема исследований: «*Социальная теория и методология социального познания*».
- 2) Чебоксары. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Заместитель руководителя центра – доц. М.Б. Кожанова. Тема исследований: «*Социальная теория и проблемы формирования гражданского общества*».
- 3) Чита. ЗабГГПУ (на базе кафедры философии). Руководитель центра – доц. Т.В. Бернюкевич. Тема исследований: «*Социальная теория и проблемы межкультурных взаимодействий*».
- 4) Курск. КГТУ (на базе кафедры философии и социологии). Научно-образовательный центр. Руководитель центра – проф. П.Ф. Кравчук. Тема исследований: «*Социальная теория и проблемы творчества личности*».
- 5) Рязань. РГУ им. С.А. Есенина. Общевузовский центр. Руководитель центра – доц. Н.А. Степанов. Тема исследований: «*Социальная теория и проблемы управления*».
- 6) Нижний Новгород. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (на базе кафедры общей социологии). Руководитель центра – проф. А.М. Бекарев. Тема исследований: «*Социальная теория и проблемы организационного развития*».

Но свой интерес к социальной и культурной антропологии я по-прежнему сохранил. Я давно мечтал подготовить и издать энциклопедический справочник и учебник по направлению «Социальная и культурная антропология». После прихода на работу в *Российский институт культурологии* (2004 г.) мне такая возможность представилась. Под руководством директора института К.Э. Разлогова коллектив стал выпускать тома энциклопедии по культурологии. Мне поручили готовить и редактировать том «Культурная антропология». Мне удалось привлечь известных авторов для подготовки тома к изданию. В их числе – О.Н. Астафьева, А.А. Белик, П.К. Гречко, П.С. Гуревич, Н.Н. Крадин, В.М. Межуев, А.А. Никишенков, В.Г. Николаев, А.А. Пелипенко, Э.А. Орлова, К.Э. Разлогов, П.В. Романов, Ю.И. Семенов, Е.Р. Ярская-Смирнова, Е.Н. Шапинская, В.В. Щербина и др.

В *Российский институт культурологии (РИК)* я пришел по рекомендации В.Л. Рабиновича, с которым мы работали тогда вместе в *Институте человека РАН*. С директором РИК, профессором К.Э. Разлоговым у меня сразу же сложились хорошие деловые и научные отношения. Несмотря на разные оценки моей персоны, он счел возможным назначить меня исполняющим обязанности заместителя директора по научной работе, которые я исполняю по настоящее время.

В РИК я курирую направление «Теоретическая и прикладная культурология», куда входит 6 секторов – философских проблем культуры (зав. сектором О.А. Румянцев), теории социокультурных процессов и систем (Ю.М. Резник), прикладной культурологии и культурной антропологии (Л.С. Перепелкин), этнокультурологии и проблем народной культуры (Н.Г. Михайлова), стратегий социокультурной политики (О.Н. Астафьева) и программирования культурного развития регионов (В.С. Котельников). Коллектив направления, которым я руковожу как заместитель директора, оказался на редкость творческим и продуктивным. Регулярно проводятся заседания научного совета, дискуссии, выходят монографии и сборники научных трудов. Что же касается общих издательских проектов, то, кроме тома энциклопедии «Культурная антропология» и нескольких сборников материалов научных конференций, мы подготовили к печати и сдали в издательство коллективную монографию «Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции» и готовим новую монографию «Современный человек: утрата и обретение идентичности».

Таким образом, в 2002-2009 гг. я продолжил работу над прежними проектами и смог осуществить с помощью своих коллег новые. Второе десятилетие моей активной научной деятельности еще не завершилось, и если все сложится нормально, то можно надеяться на дальнейшую творческую работу в данных учреждениях.

### **Возможен ли альтернативный путь в организации науки и научного сообщества?**

*С.Н.: Я так понимаю, что в каждой структуре, где Вам приходилось работать, для проявления Вашей сверхактивности не хватало предоставляемой свободы, т.е. степень Вашей внутренней свободы была на порядок выше, чем так называемая свобода внешняя. По моим ощущениям, в Вашем свободолобии присутствует нечто бунтарское, а степень Вашей внутренней свободы слишком велика. Но ведь, Юрий Михайлович, согласитесь, это внутренняя свобода в стране, которая только учится быть свободной, где всё всегда выстраивается по ранжиру, где еще не так давно все шагали в одну ногу строем, и всё было расписано заранее, – и как нам жить, и как умирать. Поэтому Ваша свободолобивая натура наверняка создавала Вам в жизни колоссальное*

количество конфликтов с Системой. И здесь возникает ассоциация, как у Солженицына, «бодался теленок с дубом». Есть ощущение, что из этой свободы выросла Ваша приоритетная область научных исследований — изучение гражданского общества, прежде всего, в России. Так есть ли взаимосвязь между Вашей внутренней свободой и основной темой Ваших научных исследований?

Ю.М.: Я хочу уточнить постановку Вашего вопроса. Из Ваших слов следует, что я чуть ли не Пугачев. Это не так. Я не бунтарь по своей натуре, мне не нужна вольница, чтобы ощутить себя полностью свободным человеком. Здесь дело в другом, как раз в противоречии между моим ядром и фигурой, о чем я говорил ранее. Многие годы я стремился к продвижению в социальном мире своей фигуры, был карьерно или статусно озабочен, как и большинство людей, обитающих в этом пространстве. Меня беспокоила не моя внутренняя свобода, а скорее внешняя свобода или, другими словами, не возможность быть самим собой и жить в согласии с миром, а возможность быть кем-то, занимать какие-то должности и посты. Я упорно не хотел следовать своей «внутренней органике», уходил и даже убежал от себя, надевая на себя чужие одежды. В результате мой личностный стержень, т.е. ядро сместилось и деформировалось под давлением внешних обстоятельств и последствий непрерывной борьбы за свое место в Системе. Тогда я метался из стороны в сторону, и никак не мог осознать свое предназначение.

За все в жизни приходится расплачиваться. И, к сожалению, за эти годы мною накоплен огромный отрицательный потенциал. Это плата за стремление вопреки всему и, прежде всего, моей внутренней органике стать заметной фигурой, произвести впечатление на окружающих, добиться высокого положения в научном сообществе. Смещение ядра не проходит бесследно, оно деформирует и саму персону, в т.ч. то, как тебя воспринимают другие. Ведь только близкие люди догадываются или знают наверняка о существовании твоего ядра, остальные же имеют дело с твоей фигурой (или персоной) и реагируют непосредственно на ее проявления в социальном мире. Я лишь потом понял, что надо стремиться удерживать свое ядро в состоянии равновесия с фигурой, не допускать доминирования последней. Но сколько сил было потрачено впустую...

\*\*\*

Теперь о второй части Вашего вопроса. Конечно, как Вы понимаете, связь между моим ощущением свободы и проблемами гражданского общества самая прямая. Человек, если он ограничен и целостен, живет в соответствии со своими убеждениями — идейными и научными. Гражданское общество, по моему мнению, — это общество свободных людей, осуществляющих совместную деятельность на конвенциональных началах. Поэтому я продолжаю свой путь как человек, который когда-то на заре своей научной юности занялся сначала осмыслением феномена гражданского общества, а потом и попытками приложить его к реалиям России. Насколько это получилось, судить не мне, а читателям и коллегам.

Еще раз хочу выразить свое несогласие со сравнением меня с бунтарем. Бунтарь, будь то Пугачев, или кто другой, в той или иной степени олицетворяют непредсказуемый и разрушительный по своей сути протест. Я же, если Вы хотите как-то глубже понять мое поведение, скорее всего, — *альтернативщик*, т.е. человек, предлагающий разные решения проблем, а не одно единственное, исключающее всякий

выбор. И это как раз ближе всего к идеологии гражданского общества, чем стихийный протест против Системы, неизбежность существования которой нельзя отрицать.

*С.Н.: А как тогда Вы различаете бунтаря и альтернативщика?*

Ю.М.: Очень просто. Бунтарь пытается сломать сложившийся в Системе порядок или разрушить режим, который ему не угоден и не соответствует его идейным убеждениям; он не может жить, когда рядом что-то не так, и готов пожертвовать не только своей фигурой, но и жизнью ради достижения желаемого порядка. А альтернативщик – это человек, который пытается выстраивать параллельный курс, прокладывать новую дорожку или создавать пространство наряду с уже имеющимися и устоявшимися путями. Поэтому он может, хотя и не без потерь, расстаться с преимуществами прежней Системы, частью ее ресурсов в обмен на относительную автономию. Бунтарю нужна другая, «своя» Система. И хочет того он или нет, он копирует в своей разрушительной деятельности контуры прежней, отвергаемой им Системы. Поэтому лучше изменить свое отношение к миру, чем пытаться его переделать. И лучше быть другим, чем пытаться, оставаясь прежним, подстраивать себя под окружение.

*С.Н.: То есть Вы предлагаете создать новую Систему вместо того, чтобы ломать старую.*

Ю.М.: Вы не совсем точно меня поняли. Нужно создавать не новую Систему, а качественно иное, внесистемное образование, каковым, например, является социальная и научная сеть (см. прим. 6). Еще раз повторяю, я не считаю себя системным человеком в том смысле, что готов принимать целиком «чужие» правила игры или навязывать собственные. Где бы я прежде ни работал в государственных структурах, мне не удавалось до конца стать «своим человеком». Я всегда доходил до определенного уровня и уходил из корпоративной Системы, – ее оковы оказывались для меня слишком тесными. Хотя, были длительные периоды относительного сосуществования с корпоративным единством. Но я на этом остановился, потому что Система и олицетворяющие ее персоны, почувствовав мою инаковость, не приняли меня и выдавили за свои пределы, причем по своим, вполне легитимным, основаниям.

Полагаю, что свою личную системную вершину я уже достиг, установил личный рекорд выживаемости в Системе, и мне нет больше необходимости пробовать себя и осваивать властные коридоры новых Систем. Они слишком узки для моего ядра, а служение им потребует от меня слишком много сил, которые я уже не готов отдавать, чтобы сохранить свою самость. Поскольку моя персона нашла свое применение в сетевом пространстве, то нет потребности утверждаться в статусе формального лидера очередной Системы. С тех пор, как я пытался удержаться в руководящих слоях Системы, прошло почти 8 лет, и теперь я работаю на должности главного научного сотрудника в Институте философии РАН (до этого – в той же должности в Институте человека РАН), не проявляя интерес к административным постам и должностям.

Кстати, Российский институт культурологии (РИК), где я работаю по совместительству, стал в этом отношении неожиданным и приятным для меня исключением. Однако, мое замдиректорство в нем не носит характер системной работы. Директору института, профессору К.Э. Разлогову удалось создать под эгидой Министерства культуры РФ фактически «полусетевую» организацию, где каждый научный сотрудник занимается тем, что ему лично интересно в очень широком социально-



гуманитарном пространстве. Поэтому я рассматриваю работу в РИК как естественное дополнение к научной сети, в которой я существую и занимаю определенные позиции. Меня такая ситуация вполне устраивает. Считаю, что наличие единой трудовой книжки и ее прикрепление к одному, основному месту работы является рудиментом по сути феодальной зависимости, оставшейся нам от прежнего крепостного права, которое воплотилось позднее в колхозном строе.

Вместе с тем, будучи не системным по сути, а значит идущим собственным путем и плывущим параллельным курсом, я — человек достаточно организованный. Мною в полном объеме выполняется научная нагрузка в Институте философии РАН и Российском институте культурологии, а в свободное время я еще преподаю в вузе, регулярно издаю журнал, организую конференции и семинары, которые мне удается проводить на базе вузов и академических структур в разных регионах России и стран СНГ. Хочу отметить, что в Институте философии РАН, в который я перешел относительно недавно после прекращения деятельности Института человека РАН в 2005 г., и в Российском институте культурологии, где я выполняю свои обязательства с 2004 г., создана атмосфера, максимально приближенная к творческой. Конечно, это безусловная заслуга его руководителей, продолжающих продуктивно заниматься философскими и научными исследованиями, несмотря на огромную административную нагрузку. Я с интересом наблюдаю, как им приходится маневрировать в лабиринтах системного мира и брать на себя ответственность за относительно автономное существование своих научных сотрудников.

А с гражданским обществом меня напрямую связывает еще и тот факт, что я изначально формировался не просто как свободолюбивый, а скорее автономный человек, который, несмотря на присущий налет авторитарности, пытался выстраивать отношения с другими людьми на равноправных и партнерских основаниях. Предполагалось, что они должны быть включены в мои проекты с учетом их личной мотивации, с желанием что-то делать самостоятельно и с ощущением того, что я — один среди них, а не над ними. Думаю, это как раз и объясняет мою позицию альтернативщика и сторонника проектно-сетевых подходов в организации науки и научного сообщества. Когда я выстраиваю сетевые коммуникации, то исхожу, прежде всего, из того, что со мной работают другие автономные субъекты, равные мне по статусу и интересные мне в человеческом плане.

Еще одно наблюдение. Я не ушел из Системы полностью и продолжаю заниматься в ней определенные позиции. И это дает мне возможность выполнять роль своеобразного проводника для многих людей, не способных самостоятельно адаптироваться между системным пространством науки и ее неформальными структурами, в т.ч. и теми, в которые мы их вовлекаем. Я бы так оценил сегодняшнюю ситуацию моей научно-организационной эволюции.

**Дойти до предела, заглянуть за грань возможного опыта.**

**О «ядре» и смене парадигмы жизни**

*С.Н.: Юрий Михайлович, не менее интересно понять Вашу научную эволюцию. В рамках парадигмы становления в научном плане сегодня для Вас главной стала философия персонализма, которую Вы активно продвигаете, и которая встречает различные отклики, но только не равнодушные, — и это, наверное, главное. В поисках новых стимулов Вы превзошли самого себя и стали «великим провокатором», как Вас определила*

*Зара Михайловна Саралиева из Нижнего Новгорода. Зачем Вам это нужно, я имею в виду Ваше стремление во всем доходить до предела?*

Ю.М.: О своей научной эволюции пришлось бы слишком долго рассказывать и это тема отдельного разговора. В какой-то момент своей жизни я почувствовал неизбежную безысходность своих попыток внести решающий вклад в нашу философию и науку, ясно понимая, что просто обычных способностей и хороших научных работ с четко выверенными критериями недостаточно. Нужен настоящий прорыв, а я, как и многие мои коллеги, к нему оказался не готов. Необходимо что-то изменить в себе, изменить взгляд на мир, в котором мы живем и который пытаемся объяснить рациональными средствами. То есть, нужна новая парадигма жизни и философии. Но если работу можно менять много раз, то жизненную парадигму возможно сменить в лучшем случае один раз, и то, если вам повезет сделать это вовремя. Жизни не хватит на освоение новой парадигмы.

Недавно мы говорили с профессором П.К. Гречко о том, что в отечественной философии есть хорошие исследователи и много крепкой середины, но по-настоящему талантливых людей очень мало. Говорят на Западе их гораздо больше. Не знаю, не считал. Но текстов хороших там, действительно, больше. Талантливый человек — это тот, кто оторвался от земли и находится в состоянии невесомости, что называется, завис между небом и землей. Но гений вообще, конечно, парит высоко в небе, редко опускаясь на грешную землю.

Так что талантов мало, более того, многие из способных исследователей могли бы быть таковыми, но запрещают это самим себе, заблокировав свой источник прорыва, выхода в состояние полета и невесомости. Поэтому стать талантом, с точки зрения объективных причин, очень сложно. Это все равно, что научиться летать. Наверное, нужно родиться уже с крыльями. А с субъективной точки зрения надо что-то преодолеть в себе, совершить акт перерождения, чтобы обрести состояние полета. Но для всего этого нужна невероятная сила подъема, а я, боюсь, что ее многие из нас утратили, потому что занимаемся всякой и разной суетой, связанной с выживанием, на протяжении последних 20-25 лет.

Возможно, иллюзия расставания с прежней парадигмой жизни сменится когда-нибудь иллюзией приближения другой парадигмы, а ядро человека так и останется между ними, не получив ни в одной из них точку опоры. Не это ли свидетельство духовного кризиса?

*С.Н.: Юрий Михайлович! Мы не всегда можем выстроить ту стратегию, которая определяла бы всю последующую жизнь. Вот американцам в этом плане бывает проще. Умирающий девяностолетний миллиардер сказал: «Ребята, вы не понимаете, мир устроен очень просто — кто больше денег заработал к концу жизни, тот и прав». Вот такой детский и наивный взгляд на мир, который, к сожалению, нам редко удается сохранить в течение всей жизни. Видимо, поэтому приходят новые цели, новые этапы..., а что-то в человеке остается неизменным.*

Ю.М.: Остаются ядро и его самость, которые труднее всего поддаются коррекции. Не все в жизни измеряется деньгами, престижем или влиянием. Герой одного из голливудских фильмов сказал: «Престиж и деньги — это «кван», т.е. то, ради чего стоит жить» (см. прим. 7). Но в этом я не вижу для себя никакой радости. Я не хочу так жить. Мне сразу становится грустно и внутри появляется какая-то пустота, когда приходится идти на «сделки» с совестью. Я — человек проектной культуры. Мой

«кван» состоит в другом – в умножения себя разными сущностями посредством сетевой организации научного сообщества. И если что-то удастся сделать, интересное тебе и людям, то это и есть настоящий «кван».

Я, конечно, не знаю, как жил этот американский миллиардер, но это его «кван», – то, ради чего он жил и, возможно, умер. Но хочу сказать, что не все так просто в нашем мире. У человека не может быть одной цели или стратегии на всю жизнь. Они меняются в ходе жизни. Чтобы перейти к новой парадигме жизни, необходимо переродиться в духовном плане, а на это немногие способны. Для того, чтобы подготовиться к новому прорыву, человеку, видимо, нужно умереть в системном смысле, т.е. перестать быть *фигурой* в ее прежнем качестве. Он должен расстаться не только со своей фигурой, но и всерьез скорректировать свои представления о собственном ядре, где и формируется жизненная парадигма.

Так, я до сих пор привязан к своему прошлому образу, который не дает мне покоя, притягивает к себе. Меня спрашивают, например, зачем мне понадобилось празднование юбилея, советуют от него отказаться. Ведь это есть дань парадигме развития, от которой я хочу уйти. Значит я равнодушен к чему-то во мне, что осталось и тянется из прошлого, не готов обрубить все старые нити, а, следовательно, не готов расстаться со своей прежней фигурой, чтобы начать новую жизнь.

Это означает, что старая парадигма еще прочно укоренена в моем ядре и образе жизни. Это ли не свидетельство того, что наше прошлое становится инерционным следом и тянется за нами многие годы, а наши прежние образы превращаются в видимость, некую виртуальную реальность, сопровождающую нас в нынешней жизни. Меня нет в настоящем, поскольку я не освободился еще от прошлого, продолжаю в нем пребывать. Но меня нет и в будущем, так как для этого нужно пересечь линию настоящего. И, возможно, нынешний Юрий Михайлович Резник – это уже не уставший от жизни человек, которому все надоело, но еще и не тот, который готов жить по-новому, обрести себя в пространстве философской мысли.

*С.Н.: А значит, конца нет. Юбилей – это маленькая точка жизненного пути, и, в общем-то, смерти тоже. Есть вечное движение, есть люди, которые ищут истину и свой путь, хотя очень интересно посмотреть, что будет потом.*

Ю.М.: Юбилей – это инерционный срез моего прежнего образа жизни и той парадигмы, которой я придерживался до сих пор. По инерции мы и сделаем мой юбилей, совместив его с юбилеем журнала. Я обязан считаться с тем, что многие живут в другом, системном мире, а в нем принято совершать подобные акции, демонстрирующие личные достижения юбиляра. Все эти человеческие желания мне не чужды, но я с ними мысленно расстался. Меня менее всего волнует социальный успех, хотя я не равнодушен к мнению близких мне людей. К сожалению, инерционный след прошлого тянется за мной, и оборвать его быстро не удастся.

Например, я знаю, что моя персона в прежние времена, когда я проявлял активность в системном пространстве, вызывала противодействие у некоторых людей. Ведь пока ты живешь в системном мире и обладаешь хотя бы малейшими ресурсами и преимуществами перед другими, у тебя всегда будут недоброжелатели и завистники. Видимо, это один из законов развития Систем. При этом чтобы изменить свое социальное окружение нужно измениться самому. Но сделать это можно только тогда, когда перейдешь в состояние трансперсональности (см. прим. 8), о чем речь пойдет далее.

### От теории к практике жизни: о персональных и метафизических основаниях

Ю.М.: Я хочу задать присутствующим несколько вопросов. Наталия Кирилловна, Вы знаете меня не один год и можете спрограммировать мою реакцию на те, или иные Ваши слова и поступки. Что же остается во мне для Вас зоной непредсказуемости?

Н.К.: *Обычно то, какой следующей теорией Вы будете руководствоваться в своей жизни, потому что всегда реализуете некую теорию и в личном плане, и в социальном строительстве. Теории меняются, они в разной степени авторские, иногда заимствованные, иногда выработанные и сочиненные Вами. И вот какая следующая будет теория – не понятно. Понятно, что это будет теория, но в какой парадигме – это нужно вовремя понять.*

Ю.М.: Теория, которая реализуется не только в текстах, но и в жизненной практике. Я правильно Вас понял?

Н.К.: *У меня такое ощущение, что есть люди, которые живут по интенциям, в разной степени осмысленным, а Вы постоянно пытаетесь в собственной жизни реализовать некую теорию, будь то теории гражданского общества или управления персоналом и социальной инженерии, концепции личностного развития и жизненных стратегий и т.п. То есть Вы пытаетесь жить в соответствии с некой теорией. Просто так жить, повинаясь ситуации, Вам недостаточно, да и не интересно. Некий рефлексивный центр внутри Вас заставляет каждый раз выработать и применять к жизни какую-то теорию или концепцию. При этом Ваши теории меняются по ходу жизни и социальной практики. И способ выстраивания теоретических схем также меняется. Причем предлагаемая Вами логика способов их реализации весьма сложная и синергетическая, с бифуркациями и «ветвлениями», со скачками в разные стороны.*

Ю.М.: Наверное, Вы в чем-то правы. Вот и сейчас меня беспокоит идея трансперсональности, и все мои последние статьи и публичные выступления связаны только с этим. Вы, наверное, Наталия Кирилловна, уже уловили мой новый импульс. Но чтобы понять трансперсональность, нужно разобраться вначале со своей персональностью. Поэтому я в очередной раз прохожу этап выстраивания новой концептуальной схемы, примеряя ее на себя. Но вернемся к вопросам Сергея Назиповича.

С.Н.: *Юрий Михайлович! Вы так много времени и сил посвятили разработке социальной теории: написаны несколько книг (три части «Введения в социальную теорию»), десятки статей, проведены семинары и симпозиумы в разных регионах страны, создано Междисциплинарное общество социальной теории. А что Вы собственно понимаете под социальной теорией?*

Ю.М.: По существу, это – теория социального. Ведь все дисциплинарные деления социальных наук ведут к фрагментации знания, и в нем практически нет места целостному взгляду на социальную реальность. Что же касается социальной теории, то она обращена к попыткам объяснить, что есть социальное, социальный мир в целом. Это совершенно новое направление, которое не отменяет прежнее дисциплинарное деление, а дополняет его. Перед Вами находится уже не коммунальная квартира, где каждая дисциплина занимает отдельную комнату или уголок, а в худшем случае, если не собственная квартира, то хотя бы общая гостиная, в которое формируется междисциплинарное пространство, куда иногда выходят представители разных дисциплин.

В идеальном плане социальная теория напоминает мне дворец, где все стенки являются прозрачными и прежнее дисциплинарное деление становится бессмыс-

ленным. Мы обретаем в ней панорамное видение социальной реальности, и пытаемся схватывать явления в их целостности, а не комплексным образом, т.е. безотносительно к тому, что у каждого явления есть свои стороны и грани. Мы вошли в XXI в., и пора нам задуматься о новом статусе социальных наук. По большому счету, существует одна единственная наука о социальном мире, и все дисциплинарные деления условны. Это — дань системной организации и корпоративной сути современной науки, от которых мы никак не можем освободиться.

*С.Н.: Да. Но ведь Вы как живой человек сложнее, чем Ваша социальная теория. Вы привносите себя в то, чем занимаетесь?*

Ю.М.: Да, как и любой человек, делающий дело, которое ему нравится. *Моя «социальная теория» — это то, чем я занимаюсь в жизни.* Наталия Кирилловна правильно подметила едва ли не самый глубокий смысл моей личностной трансформации. Если я занимаюсь гражданским обществом, то оно обязательно должно быть воплощено в моих научных и жизненных проектах, если социальной теорией, то на выходе будут практические приложения к собственной жизни, если концепцией трансперсональности, то делаю это в контексте собственного поиска жизненных смыслов.

Кстати, это отражается и в материалах большинства интервью, которые я беру у своих коллег. Я пытаюсь пробиться сквозь шлейф психологической защиты в самопрезентации коллег, чтобы затронуть значимые для меня и других стороны жизни. Иногда мешают статусные моменты, реже возрастные особенности. Поэтому приходится изначально готовиться, растапливать лед или пробивать в нем небольшое отверстие, чтобы получить интересующую меня информацию. Это получается не всегда. Но когда это получается, то для каждого из нас происходит открытие новых граней, мы узнаем себя с неожиданной стороны.

Мой диалог с коллегами — это всегда диалог личности с другой личностью. И в этом диалоге я стремлюсь открыться не меньше, чем мои респонденты. Например, когда вышла статья к юбилею В.В. Щербины, а затем была и презентация о нем, то ко мне подошла одна из коллег и сказала: «Ну, Юрий Михайлович, ты и открылся». То есть она увидела там личностные особенности не только самого Щербины, но и мои. Недавно в журнале опубликованы мои материалы (статья и интервью) о Н.А. Степанове. Я описал образ его личности не только таким, каким он есть на самом деле, но и таким, каким он может стать, т.е. довел ситуацию до предела. Причем сам Степанов был крайне удивлен, прочитав все это. Для него это было настоящим открытием. Но в его образе я обнаружил и проекции своей персональности. А это уже выводит нас на проблему трансперсональности.

Полагаю, что это неизбежно, хотя с точки зрения научных критериев задача интервьюера состоит в том, чтобы вывести свою персональность за скобки и не привносить ее в объект исследования. Но на самом деле это редко получается. Для меня интервью — это не только источник информации о жизни другого человека, но и возможность посредством общения с ним найти ответы на собственные вопросы. В упрощенном виде можно сказать, что трансперсональность фиксирует момент взаимопересечения персональностей — моей и других людей, свойствами которых я обогащаю себя и свою персону.

*С.Н.: Но ведь должен же Ю.М. Резник как-то презентироваться вовне, чтобы его воспринимали другие люди, иначе как у них сможет возникнуть чувство эмпатии к нему?*

Ю.М.: Дело в том, что Вы воспринимаете Резника как персону, человека публичного, чем-то обличенного, несущего на себе множество узнаваемых и привычных одежек. Вам так проще. А я говорю сейчас об образе человека, преодолевающего свою персональность, который отказывается от нее, не ради того чтобы раствориться, перестать быть персоной, носителем привычной маски, а для того, чтобы *БЫТЬ среди других, вместе с ними, стать больше, чем персона*. Поскольку чтобы быть, не обязательно сводить к минимуму проявления своей персональности. Ее нужно дополнить персональностями других людей. В этом состоит смысл моей сегодняшней эволюции. Более того, чтобы достичь трансперсонального состояния, не следует вовсе отказываться от всего личностно значимого. Нужно перестать быть единичностью, выделяющей тебя из социального окружения, чтобы стать всеобщностью.

С.Н.: *У меня сложилось такое впечатление, что Вы идете к тому, о чем говорят многие представители трансцендентальной философии и психологии. Это – уже внеземное, запредельное состояние человека, преодолевающего привычные рамки социального существования. Разве это возможно для реального человека?*

Ю.М.: Не совсем так. Для меня трансперсональность – это не ограничение, а преодоление личностного начала, что не означает вовсе отказ от собственной персональности ради перехода в трансцендентное состояние. Чтобы впустить в себя мировой дух и стать транслятором чего-то большего, что не вмещается в твой внутренний мир, не обязательно отказываться от своей персональности.

С.Н.: *Что же будет тогда с гражданским обществом? Это будет трансперсональное общество, построенное на совершенно иных основаниях, чем общества, которые описаны в классических западных социальных теориях?*

Ю.М.: В дискуссиях о гражданском обществе мы неоднократно наталкиваемся на прежние значения, которые связаны с этим понятием. Нам говорят следующее: «Сегодня выражение “гражданское общество” устарело, так как мы по-прежнему мыслим категориями XIX века». Нет уже никакого гражданского общества. Это не так. Просто не хватает новых концепций, чтобы объяснить, что же происходит с гражданским обществом в начале нынешнего века. Оно исчезло или трансформировалось в новую реальность?

К тому же отечественные социальные ученые пока не могут предложить логически обоснованную концепцию сегодняшнего российского общества. Пока никто из авторитетных исследователей вразумительно и четко нам не показал, что же у нас за тип общества. Одни только кружева плетут и приводят метафорические образы, не имеющие отношения к сути феномена «российское общество».

Находясь в обществе, понимаешь, что есть нечто большее, чем ты сам и твоя персона. И что когда ты перестаешь думать о себе, как о персоне – субъекте истории, то тогда выходишь совершенно на другой уровень познания. Я обозначаю такое состояние термином «трансперсональность». Но возможны и другие концепты.

С.Н.: *Тогда, возможно, впереди предвидится не только новая точка сборки, вокруг которой возникнет обновленная личность Юрия Михайловича Резника, но и новое основание для построения социальной теории.*

Ю.М.: Возможно. К сожалению, социальная теория в России не имеет лица, она обезличена, а потому аморфна и расплывчата, но и трансперсональной ее назвать нельзя. У нас нет общепризнанных работ фундаментального характера. Поэтому нужно для начала придать ей персональное лицо, что предполагает появление

большого количества авторских монографий и статей, а затем можно приступать к построению контуров общей социальной теории. Мы это начали делать, образовав Междисциплинарное общество социальной теории. Но пока не хватает в буквальном смысле «прорывных» идей, способных поднять наши изыскания на новый теоретический уровень.

*С.Н.: Поскольку у нас зашел разговор о науке и ученых, позвольте затронуть еще одну тему, важную для каждого исследователя и той институциональной структуры, которая сложилась в научном сообществе. Какую позицию лучше занять российскому ученому: достигать чего-то в одиночку, ориентируясь на западные научные стандарты, или все-таки искать для себя группу единомышленников? И вообще, как ему жить и работать в наше нелегкое время?*

Ю.М.: Думаю, что у меня нет рецептов от всех болезней, которые переживают все наше общество и его часть – научное сообщество. Я полагаю, что поскольку наука есть коллективное предприятие, то без единомышленников ученому не обойтись. Я являюсь убежденным сторонником «смешанной» – формально-сетевой структуры научного сообщества. В нем одинаково важны и формальные организации, в которых мы работаем, получаем зарплату и официальное признание в виде ученых степеней, званий и должностей, и сетевые профессиональные образования, связывающие нас общностью научных интересов, обладающие экспертными возможностями, раскрывающие неформальный потенциал наших отношений с коллегами и предоставляющие широкие рамки для личностной автономии ученых.

К сожалению, сегодня в отечественной социальной и гуманитарной науке сложилась преимущественно «клановая» структура, вытесняющая профессиональные анклавы в научном сообществе, представителями которых декларируются профессиональные образцы западной научной культуры. Исследователи, работающие в клановых структурах, объединяются не по профессиональным критериям, а по критериям личной преданности, лояльности, служения вождю (руководителю), а не истине, как это имеет место в профессиональном научном сообществе. Только в одной российской социологии существует несколько кланов (я не буду называть фамилии тех, кто их возглавляет), но в ней имеются и профессиональные группы, члены которых объединяются в независимые научные ассоциации. *По моему убеждению, собственно профессиональное научное сообщество составляет один из институтов гражданского общества.* Потому что профессионалы – это независимые и автономные субъекты, дистанцированные от власти, знающие свое дело, обладающие определенными знаниями и навыками, умеющие приложить их к практике. Это люди со своим мировоззрением, не нуждающиеся ни в какой коррекции со стороны кого бы то ни было, тем более во внешнем контроле. Число профессионалов в отечественном обществознании катастрофически уменьшается, несмотря на незначительный приток талантливых молодых исследователей.

Поэтому как жить человеку науки? Ему нужно осуществить свой выбор. Если ты ученый, то должен ориентироваться на профессиональные ценности в науке (их никто пока еще не отменял). К сожалению, мы как национальное сообщество еще не прошли период профессионального возрождения после тяжелых 90-х гг. Наша философия и социальная наука в большинстве своем недостаточно профессиональны. Они клановые, чрезмерно бюрократизированы, в силу чего их пока трудно назвать профессиональными. Сегодня перед нами стоит задача повысить профессио-

нальный статус ученого, чтобы он нашел свое место в мировом профессиональном сообществе и выработал вместе с ним возможности противостояния научной бюрократии и так называемому «околонаучному» окружению.

Поиск научной истины никаким образом не должен быть детерминирован ни идеологически, как было в не столь отдаленные времена, ни бюрократически, что характерно для нашего времени. Для профессионала важно то, как он выражает эту истину, насколько он следует принципам и критериям научного познания. Для «человека клана» важно время от времени подтверждать свою лояльность, действуя от имени клана, а не от себя лично как автономного субъекта. Для клана профессионализм неуместен, более того, всякий профессионал, отстаивающий свою позицию, оказывается здесь лишним.

Клановым объединениям противостоит небольшое по численности профессиональное меньшинство, представители которого сохраняют свои позиции в немногих научно-образовательных центрах страны, а остальные занимают, как правило, маргинальные позиции. Замечу, что в западной науке такими маргиналами являются как раз не профессионалы, а воинствующие дилетанты — люди, не имеющие отношения к науке. У нас же все происходит, до обидного, наоборот. Нам нужно молодых исследователей ориентировать в направлении профессионализации, интеграции в профессиональное сообщество. Но, к сожалению, механизм преемственности нарушен (речь идет не о клановой преемственности), приходится все собирать по частичкам, восстанавливая живую ткань профессионального сообщества. Этим мы, собственно говоря, по возможности и занимаемся и будем заниматься в ближайшее время.

*С.Н.: Юрий Михайлович! Спасибо Вам за глубокое и содержательное интервью, а также возможность высказать свои взгляды. Надеюсь, что остальные сюжеты наших диалогов, которые не вошли в данную подборку, будут также освещены на страницах журнала.*

#### *Примечания*

1. В своих работах я рассматриваю личность как органическое единство «внешней» и «внутренней» соотносительности человека с социумом, его «привнесенности» (объективной обусловленности) и «привносимости» (субъективной значимости). При этом социальные статусы выражают «объективные» позиции личности в социальном мире или пространстве, а диспозиции — «субъективные» позиции или субъективный срез статусов. Другими словами, «внешняя» соотносительность личности выражается в системе социальных статусов (как объективного положения человека в обществе) и моделей ролевого поведения (как динамической стороны статусов), а ее «внутренняя» соотносительность представлена совокупностью диспозиций (как субъективно осмысленных позиций) и ролевых ожиданий (как динамической стороны диспозиций). Процессы взаимодействия личности и общества подразделяются на структурные (развитие внешней и внутренней соотносительности) и динамические (соединение элементов «привнесенности» и «привносимости»). Если структурные процессы, определяющие взаимоотношение субъектов, характеризуют развитие социальной структуры личности, то процесс социализации формирует ее в качестве полноценного субъекта деятельности. Под социализацией понимается процесс освоения индивидом социальных норм и ролей, принятых в данном обществе, посредством как собственной активности, так и «чужой» (влияние родителей, обучение и пр.). Содержание и направленность процесса социализации определяется двумя основными тенденциями — типизацией и индивидуализацией. Типизация определяется, с одной стороны, как способ усвоения личностью проявляющихся в реальном мире «объективных мыслительных форм» — ценностей, норм, идей их преобразования в субъективно-идеальный мир, — и, с другой, как трансформация объективно-идеальных форм культуры в индивидуальный опыт ее поведения. Индивидуализация характеризует в свою очередь процессы преобразования индивидуального поведенческого опыта личности в объективно идеальные формы культуры и трансформации субъективного мира личности, субъективной идеальности в объективные формы внешнего социального мира. (См. мою книгу: Введение в теорию личности: социокультурный подход: Учебное пособие. М., 2003. Главы 1, 4 и 5).



2. Например, мы называем фигурантами основных действующих лиц каких-либо важных событий.

3. Хочу еще раз уточнить понятие системы, употребляемое мной в данном контексте. Под Системой (или точнее — «квасисистемой») я понимаю *организационно оформленное социальное единство, обладающее иерархически сложной властной структурой, материальными и символическими ресурсами, аппаратом насилия и стремящееся установить полный контроль над своими частями*. Примеры существования Системы: глобальные системы (международные финансово-промышленные союзы), государство, организации, другие группы, осуществляющие регулярное легитимное (и не легитимное) насилие над своими членами.

4. «Вип» от англ. аббревиатуры VIP — *very important person*, в переводе на русский язык — «очень важная персона».

5. С этим связаны спекуляции по поводу так называемого «раздвоения личности». Хотя идея множественности субличностей у человека имеет давнюю историю, мне она не представляется привлекательной. На самом деле так называемое раздвоение личности выражает не столько конфликт двух субличностей, а сколько состояние дисбаланса между ядром и фигурой человека.

6. У социальной сети в отличие от Системы нет единого властного центра и бюрократического аппарата. Она не репрессивна по своей сути, тогда как Система является институционализированным воплощением насилия над личностью. И оба социальные образования существуют в реальной жизни бок о бок. Я не отрицаю Систему, как таковую. Она неизбежна и по-своему необходима, но для себя я нахожу ей альтернативу в мире социальных сетей.

7. В моем понимании «кван» — это то, что имеет первостепенное значение в деятельности человека, приносит ему радость в жизни и ощущение полноты бытия. В известном смысле «кван» можно условно определить как личный секрет (или рецепт) счастья. Но этот термин имеет и другие толкования. Так, например, в мифологии тайских народов Индокитая считается, что человека имеется 32 и более души, которые ему передаются при рождении главным образом от отца. Жители Бирмы их называют «кванами» или «кхванами». Существуют кваны головы, лба, носа, локтя, лёгкого, печени и т.д., а также кваны смеха, печали, веселья, раздумья, различных навыков. У сиамцев Таиланда кван — это личный дух-покровитель, в честь которого совершаются разные обряды.

8. Как известно, трансперсональность означает переход человека за рамки его привычного образа и обыденного опыта. Это — духовное единство человека и Абсолюта (Космоса, Мирового разума и т.д.), находящегося за пределами индивидуального, коллективного и родового бытия и преодолевающего, следовательно, рамки социальности и культуры. Целью выхода за рамки мировой данности и необходимости является достижение трансцендентного состояния, т.е. состояния единения человека с Космосом.